

газетахъ и Погодинъ, во послѣдній прямо хотѣлъ доказать, что личности, за которыми я признавалъ неясность по источникамъ, напротивъ, очень ясны, и при этомъ приводилъ разныя лѣтописныя похвалы, желая показать, что это именно тѣ черты, въ которыхъ я, какъ бы преднамѣренно, не усматривалъ никакихъ характеровъ. Возраженія Погодина отзывались устарѣлостью, такъ какъ, при современномъ состояніи науки, всякій занимающійся ею легко могъ понять, что чертами характеровъ нельзя называть похвалы лѣтописцевъ, расточаемыя обыкновенно по общимъ предвзятымъ для всѣхъ приемамъ. Извѣстно, что лѣтописецъ о рѣдкомъ старинномъ нашемъ князѣ не наговоритъ нѣскольکو лестныхъ словъ въ похвалу его добродѣтелямъ, но приводитъ обыкновенно такіа черты, которыя не представляютъ ничего присущаго отдѣльному лицу, независимо отъ нравовъ того времени.

Съ половины 1871 года я принялся за большой трудъ—писать сочиненіе «Объ историческомъ значеніи русскаго пѣсеннаго народнаго творчества». Это было расширение того давняго моего сочиненія, которое нѣкогда служило мнѣ магистерской диссертацией. Въ 1872 году я началъ помѣщать его въ московскомъ журналѣ «Бесѣда», издаваемомъ Юрьевымъ, но печальная судьба этого журнала, присужденнаго, по независящимъ отъ редакціи причинамъ, прекратить преждевременно свое существованіе, лишила меня возможности окончить печатаніе моего труда. Я успѣлъ выпустить въ свѣтъ только черты древнѣйшей русской исторіи до козацкаго періода южно-русской половины, насколько она выразилась въ народной пѣсенности.

Въ томъ же 1871 году, въ Петербургѣ отправлялся второй археологическій съѣздъ, на которомъ я былъ депутатомъ отъ Археографической Комисіи, но лично не принималъ въ немъ никакого участія своими рефератами. Въ 1872 году, продолжая въ «Бесѣдѣ» печатаніе моего сочиненія о русской пѣсенности, я началъ писать статью: «Преданія первоначальной русской лѣтописи», стараясь доказать, что на событія русской исторіи, до сихъ поръ считаемыя фактически достовѣрными, надобно смотрѣть болѣе какъ на выраженіе народной фантазіи, облекшейся въ представленія о фактахъ, долго признаваемыхъ на самомъ дѣлѣ случившимися.

Въ маѣ, по приглашенію нѣкоторыхъ моихъ знакомыхъ въ Малороссіи, я отправился въ кievскую губернію съ цѣлью осмотрѣть нѣсколько мѣстностей, имѣвшихъ значеніе въ исторіи козачества и которыхъ мнѣ не удалось видѣть прежде. Собравшись вмѣстѣ съ малорусскимъ этнографомъ Павломъ Платоновичемъ

Чубинскимъ, я посѣтилъ Корсунъ, гдѣ, кромѣ прекраснаго сада, принадлежавшаго князю Лопухину, осмотрѣлъ знаменитый «Ризаный яръ», или какъ нѣкогда онъ назывался «Крутую балку» — мѣсто пораженія, нанесеннаго Богданомъ Хмельницкимъ 16 мая 1648 года польскому войску, бывшему подъ начальствомъ гетмановъ Потоцкаго и Калиновскаго. И теперь еще, глядя по долинѣ вдоль ея, можно замѣтить проведенную на скатѣ горы линію, ясно свидѣтельствующую о томъ, что здѣсь былъ сдѣланъ обломъ горы съ намѣреніемъ прекратить путь польскому обозу. Поляки, уходя отъ преслѣдовавшихъ ихъ козаковъ и татаръ, наткнулись невзначай на это роковое для нихъ мѣсто и множество ихъ воевъ попадало въ оврагъ, устроенный заранѣе козаками, высланными Хмельницкимъ, руководившимъ этою военною хитростію. Польская конница, увидя на пути своемъ неожиданную пропасть, пустилась въ разсыпную вправо и влево вдоль горы, гонимая козаками и татарами. Оба гетмана и другіе знатные паны захвачены были въ своихъ каретахъ. Мѣстоположеніе въ то время было лѣсистое и теперь еще, вправо, есть нестарые остатки лѣса, среди которыхъ торчатъ огромные пни прежнихъ деревъ. Село Троховцы, откуда, какъ говорятъ современники, вышли поляки, приближаясь къ роковому мѣсту своего пораженія, теперь уже не существуетъ и имя его не сохранилось въ народной памяти. Въ самомъ мѣстечкѣ Корсунѣ есть слѣды стариннаго козацкаго города съ окопами. Въ домѣ князя Лопухина сохраняется нѣсколько древнихъ вещей, выкопанныхъ въ Корсунѣ и его окрестностяхъ. Между ними есть остатки оружія и сбруи, найденныхъ въ «Ризаномъ яру», несомнѣнно принадлежавшихъ разбитымъ въ этомъ мѣстѣ полякамъ. Изъ Корсуни мы ѣздили въ монастырь, отстоящій отъ мѣстечка въ нѣсколькихъ верстахъ — тотъ самый, гдѣ Юраско Хмельницкій принялъ постриженіе въ монашество. Въ этомъ монастырѣ нѣтъ ничего древняго; церковь и келіи деревянные, недавней постройки. Вся дорога къ Корсуну идетъ по берегу рѣки Роси, гдѣ встрѣчается множество старыхъ городищъ и кургановъ, еще не обслѣдованныхъ археологіей. Затѣмъ совершена была нами поѣздка въ монастыри Мошнинскій и Виноградскій; послѣдній расположенъ въ очень красивой рошѣ и хотя не имѣетъ никакихъ старыхъ вещей, но архимандритъ его сообщилъ мнѣ кучу письменныхъ пергаменныхъ и бумажныхъ документовъ, которые, впрочемъ, были уже недавно напечатаны въ небольшой брошюрѣ, изданной монастырскими средствами.

Послѣ этихъ осмотровъ, мы направились къ Чигирину, осмотрѣли

Лебединскій монастырь, прежде бывшій мужскимъ, а теперь перестроенный въ женскій, проѣхали черезъ мѣстечко Жаботинъ. гдѣ до сихъ поръ показываютъ хату сотника Харька, убитаго поляками передъ началомъ возстанія малоруссовъ, извѣстнаго въ исторіи подъ названіемъ Коліивщины или уманской рѣзни. Изъ Жаботина мы приѣхали въ Матронинскій монастырь, пріобрѣвшій громкую извѣстность въ XVIII вѣкѣ, какъ дѣятельностію своего архимандрита Мельхиседека, такъ и козацкимъ возстаніемъ, которымъ руководилъ бывшій послушникъ этого монастыря Максимъ Зализнякъ. Матронинскій монастырь, съ его деревянною церковью и деревянными келіями, помѣщается въ большомъ лѣсу, который надобно проѣхать на протяженіи восьми верстъ прежде чѣмъ добраться до монастыря. Въ этомъ лѣсу видны два высокихъ вала, одинъ за другимъ на разстояніи нѣсколькихъ верстъ между собою, обходящихъ кругомъ пространство, въ которомъ заключается, посреди лѣсной заросли, монастырское строеніе. Приѣхавши въ монастырь, я, въ сопровожденіи одного монаха, отправился за версту отъ монастыря въ лѣсное ущеліе, называемое «Холодный яръ». Здѣсь была стоянка гайдамаковъ, собиравшихся учинить возстаніе народа противъ Польши. На ямы, которыми изрыта вся эта мѣстность, указываютъ какъ на остатки пещеръ, въ которыхъ скрывались гайдамаки. Архимандритъ показалъ мнѣ въ келіи портретъ Максима Зализняка, въ званіи послушника Матронинскаго монастыря, съ коротенькою «люлькою» въ зубахъ—и сверхъ того показалъ мнѣ нѣсколько золотыхъ и серебрянныхъ монетъ, выкопанныхъ въ валу, окружающемъ монастырь. Монеты эти византійскія, первыхъ вѣковъ существованія Византійской Имперіи. Онѣ заставляютъ предполагать, что въ эти далекія времена, на мѣстѣ, окаймленномъ одинъ за другимъ валами, существовало поселеніе, входившее въ торговыя связи съ византійскимъ міромъ. Не дурно было бы, если бы археологія наша обратила вниманіе на этотъ любопытный уголокъ. Изъ Матронинскаго монастыря мы отправились въ Суботово—мѣстопребываніе Богдана Хмельницкаго, имѣвшаго тамъ хуторъ, изъ за котораго вспыхнуло возстаніе, освободившее козаковъ отъ польскаго панства. На дорогѣ, мы посѣтили Медвѣдовскій монастырь, къ которому гетманъ Богданъ Хмельницкій питалъ особое уваженіе и гдѣ погребенъ былъ его сынъ Тимошей, но не нашли тамъ архимандрита и ничего не видали, хотя, судя по рассказамъ, намъ и не пришлось бы ничего особеннаго увидѣть. Въ Суботовѣ мы пристали къ почтенному и доброму священнику, отцу Роману, который издавна пользуется большою любовью прихожанъ и наилучшею репутаціею въ окрестно-

стяхъ. Въ его очень чистенькомъ домикѣ, первый предметъ, попавшійся намъ на глаза, былъ портретъ Богдана Хмельницкаго. Противъ самаго домика священника увидали мы деревянную церковь троечастную, какъ большею частію строились старинные малорусскіе храмы. Изъ оконъ его домика видѣлись на холмѣ бѣлыя стѣны другой церкви, которой архитектура нѣсколько напоминала римско-католическіе костелы въ этомъ краѣ. То была церковь, построенная самимъ Богданомъ и послужившая временнымъ мѣстомъ его погребенія. Отецъ Романъ повелъ насъ въ эту церковь. Она невелика, сдѣлана четверугольникомъ, съ небольшими узкими окнами и необыкновенно толстыми стѣнами, въ срединѣ которыхъ проведены каменные лѣстницы, ведущія на хоры. Внутри этой церкви, на правой сторонѣ, прибита доска съ надписью, гласившею, что здѣсь было погребено въ 1657 году тѣло гетмана Богдана Хмельницкаго, выброшенное изъ могилы на поруганіе псамъ польскимъ полководцемъ Чарнецкимъ въ 1664 году. Недалеко отъ церкви можно видѣть фундаменты построекъ, составлявшихъ дворъ Хмельницкаго. Теперь остались только развалины погребовъ, но священникъ сообщалъ намъ, что лѣтъ около двадцати назадъ, здѣсь стояли еще довольно высокія стѣны, разобранныя впоследствии крестьянами на свои домашнія нужды въ разные времена. Близъ самаго мѣста построекъ находится оврагъ, образовавшійся полою водою, а въ глубинѣ этого оврага идетъ дорога. Образование этого оврага и проведеніе по немъ дороги способствовали искаженію двора Хмельницкаго. Разговорившись съ тамошними крестьянами, я услыхалъ отъ одного изъ нихъ рассказъ о томъ, какъ Хмельницкій отнялъ у Барабаша привилегію. Рассказъ этотъ носитъ ту же редакцію, какая напечатана въ «Запискахъ о Южной Руси» Кулиша. По словамъ этого крестьянина, «Хмельницкій бувъ князь и гетьманъ на всю Украину, большой врагъ пановъ и жидовъ; какъ увидить гдѣ жида, сейчасъ велить поймать его и прибить гвоздемъ ермолку къ его головѣ, а панамъ, которыхъ приводили къ нему козаки, Хмельницкій приказывалъ рубить головы около «каменной бабы», которая стоитъ на улицѣ, на дорогѣ, ведущей отъ деревянной церкви къ каменной. У Хмельницкаго голосъ былъ такой громкій, что, бывало, выйдетъ на крыльцо своего дома и увидѣвъ съ него козакъ, косившихъ сѣно на лугу за Тясьминою версты за три, крикнетъ: «хлопци, идить горилку пить, жинка вже борщу наварила»; — козаки слышатъ его, покидаютъ работу и спѣшатъ къ его дому». О сынѣ Хмельницкаго Юріѣ сохранилось преданіе, что «онъ принялъ бусурманскую вѣру и навелъ турокъ на Украину;

когда они подошли къ Суботову, турецкій паша сказалъ Юрію: если ты насъ не обманываешь и на самомъ дѣлѣ сталъ человѣкомъ нашей вѣры, то выстрѣли изъ пушки и сбей крестъ съ той церкви, которую твой батько построилъ. Хмельницкій такъ сдѣлалъ, и турецкое ядро ударило прямо въ крестъ суботовской церкви. За это Богъ сказалъ съ небеси: Юрашко, за такое дѣло земля тебя не приметъ и будешь ты ходить по землѣ до скончанія вѣка, до страшнаго суда, и съ тѣхъ поръ Юрашко Хмельницкій скитается по землѣ, и чумаки его видѣли». О времени, когда жили Хмельницкіе, у народа сохранились сбивчивыя понятія: смѣшивается эпоха Хмельницкаго съ близкою для народа эпохою паденія Польши. Рассказываютъ, что «поляки стали жестоко стѣснять православный народъ и дѣлать надъ нимъ разныя пакости: остригали дѣвокъ и изъ косъ ихъ дѣлали возжи; изъ церковныхъ ризъ дѣлали попоны, а церковными восковыми свѣчами погоняли лошадей; когда же православные поднимали ропотъ, то поляки устраивали надъ ними такого рода истязанія: ставился у пана деревянный столбъ со ступенями, одна выше другой; поставятъ человѣка къ ступени, привяжутъ къ столбу и въ такомъ положеніи оставляютъ на долгое время, такъ что стоящіе вверху принуждены испускать нечистоты на головы поставленныхъ ниже. Наконецъ, когда не стало терпѣнія, православные отправили къ царицѣ одного архимандрита просить, чтобы царица заступилась за нихъ и взяла ихъ край отъ Польши. У царицы былъ тогда любимецъ Потѣмка. Сперва онъ заступался за народъ, а потомъ отдалъ дочь свою за польскаго пана Браницкаго и сталъ мирволить полякамъ. Тогда за народъ заступились генералы Чорба и Хмельницкій. Хмельницкій ѣздилъ къ польскому королю и выпросилъ у него бумагу; но одинъ козацкій чиновникъ, пріятель Потѣмки, укралъ у него эту бумагу и держалъ у себя». Затѣмъ слѣдуетъ рассказъ о похищеніи привилегій и бѣгства Хмельницкаго въ Запорожскую Сѣчь. Далѣе: «генераль Чорба вызвалъ Потѣмку на поединокъ; оба стали на двухъ могилахъ (курганахъ); выстрѣлилъ Потѣмка и убилъ Чорбу, но въ то же время успѣлъ выстрѣлить и Чорба; Потѣмка забѣжалъ далеко, въ Херсонъ, и тамъ превратился въ мѣдную статую. Ъздили въ Херсонъ чумаки и сами видали—стоитъ тамъ мѣдный Потѣмка до сихъ поръ,—а Хмельницкій побилъ ляховъ и сталъ княземъ на всю Украину—и ничего съ нимъ царица не могла сдѣлать. Что ни пошлутъ противъ него москалей, онъ перехитритъ ихъ, не допуститъ до себя, разобьетъ и прогонитъ, а кого въ плѣнъ возьметъ—въ тюрьмѣ держитъ. И таковъ былъ онъ до

смерти. Потомъ уже сынъ его передался туркамъ и поступилъ въ турецкую вѣру». Такіе сбивчивые слухи сохранились о Хмельницкомъ на его родинѣ.

Изъ Суботова мы отправились въ Чигиринъ. Трудно представить себѣ городъ съ болѣе красивымъ мѣстоположеніемъ. Онъ лежитъ на самомъ берегу Тясмина, а надъ нимъ возвышаются живописныя разнообразныя горы. На этихъ горахъ видны остатки стараго замка и во многихъ мѣстахъ—слѣды земляныхъ рововъ и окоповъ — свидѣтельство той эпохи, когда Чигиринъ, при царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ, выдерживалъ два нападенія отъ турокъ. Самый городокъ сохраняетъ чисто-малорусскій характеръ. Въ немъ нѣтъ ни одного поляка и очень мало іудеевъ. У жителей замѣтна особая любовь къ садамъ, которыхъ здѣсь изобиліе; домики чистые и отзываются сельскою простотою. Какъ въ Чигиринѣ, такъ и въ его окрестностяхъ, выкапываютъ много бронзовыхъ стрѣлокъ, памятниковъ доисторической старины. Вся околица покрыта множествомъ большихъ и малыхъ кургановъ, придающихъ краю своеобразный поэтическій видъ. Изъ Чигирина я выѣхалъ на станцію Знаменку и оттуда, по желѣзной дорогѣ, безъ остановки пустился до Петербурга. На пути между Москвою и Петербургомъ ночью, въ то время какъ я заснулъ, отворенныя окна вагона надѣлали сквозного вѣтру, который мгновенно возобновилъ въ моемъ затылкѣ прежніе припадки боли. По приѣздѣ домой, я почти цѣлый мѣсяцъ чувствовалъ усиленіе этой боли, стараясь облегчать свои страданія холодными купаньями и компрессами. Занятія мои пошли слабѣе. Такъ всегда дѣлалось со мною въ эпоху моей петербургской жизни. Разные газетные нападки и всякаго рода печатныя и словесныя клеветы мало меня раздражали и, вообще, почти не мѣшали ходу моихъ ученыхъ и литературныхъ занятій; но нервныя боли, проявлявшіяся прежде, какъ и теперь, преимущественно головными и глазными страданіями, составляли для меня постоянное несчастье. Я чувствовалъ, что подъ гнетомъ этихъ болей, мои умственные силы ослабѣвали, пропадала энергія, мучило невольное бездѣйствіе, а если бралъ надъ собою волю, то это стоило мнѣ большихъ усилій, и я сознавалъ, что физическія страданія отпечатлѣвались на моихъ произведеніяхъ, а перо мое дѣлалось вялымъ, — по крайней мѣрѣ, какъ я чувствовалъ, лишено было той живости, какую имѣло бы при болѣе нормальномъ состояніи моихъ тѣлесныхъ силъ. Еще болѣе наводила на меня страхъ и уныніе грустная мысль, что въ будущемъ я долженъ ожидать себѣ худшаго состоянія и быть лишеннымъ зрѣнія, а съ нимъ и возможности заниматься наукою, тогда какъ

занятіе это стало для меня необходимымъ какъ воздухъ. Въ іюлѣ я ѣздилъ постоянно на дачу въ Ораніенбаумъ, гдѣ надѣялся, что купанье тамъ будетъ лучше, но очень ошибся, такъ какъ дно моря въ Ораніенбаумѣ оказалось очень мелко. Здѣсь любимымъ мѣстомъ моихъ уединенныхъ прогулокъ былъ полуразрушенный дворецъ, построенный Петромъ III, гдѣ этотъ государь думалъ было защищаться, но потомъ бѣжалъ оттуда въ Кронштадтъ. Дворецъ этотъ двухъ-этажный и стоялъ въ то время совершенно покинутымъ. Внутри его полы были сняты, лѣстницы разломаны, стекла выбиты. Такое состояніе разрушенія имѣло для меня что-то привлекательное и я по цѣлымъ часамъ просиживалъ тамъ съ книгою въ рукахъ, или даже безъ книги, съ думами о прошедшемъ.

XIV.

Премія. Глазная болѣзнь. Русская Исторія въ жизнеописаніяхъ: Поѣздка въ Екатеринославъ и Кіевъ.

Въ сентябрѣ 1872 года маѣ была присуждена премія за мое сочиненіе «Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой». Еще въ концѣ прошлаго года я представилъ его въ Академію Наукъ для соисканія преміи. Академія поручила составить разборъ моего сочиненія Иловайскому. Д. И. Иловайскій, писавшій самъ уже послѣ меня о той же эпохѣ, къ которой относилось мое сочиненіе, присудилъ мнѣ малую премію. Не вполне-довольная рецензіей Иловайскаго, академія отправила мое сочиненіе для новаго разбора марбургскому ученому, профессору Герману, автору Исторіи Россіи, писанной на нѣмецкомъ языкѣ, но владѣющему хорошо русскимъ языкомъ. Тогда многіе, услышавши объ этомъ, находили такой поступокъ академіи какъ бы унижительнымъ для русской науки. Значило, какъ будто, что въ Россіи нѣтъ ученыхъ, способныхъ оцѣнить трудъ, предлагаемый на соисканіе преміи. Иные предсказывали, что нѣмецкій учоный умышленно не признаетъ достойнымъ русскаго сочиненія. Разборъ моего сочиненія, составленный Германомъ, былъ присланъ въ академію. Нѣмецкій учоный не только не руководствовался какими-нибудь предубѣжденіями противу русскаго ума, но оказался ко мнѣ внимательнѣе самого Иловайскаго — русскаго человѣка: Германъ присудилъ мнѣ за сочиненіе большую премію. Однако академія разсудила не дать ее мнѣ, а наградить малою, на томъ основаніи, что въ то время было представлено на соисканіе премій нѣсколько со-

чищеній, признанныхъ достойными малой преміи, но какъ всѣхъ удовлетворить было невозможно, по недостатку суммъ, то и положили отнять у меня двѣ трети суммы, слѣдуемой мнѣ по приговору Германа. Сверхъ того, принималось во вниманіе, какъ мнѣ лично сказали въ академіи, и то, что я человѣкъ безсемейный и бездѣтный, а слѣдовательно ненуждающійся въ средствахъ, которыя болѣе необходимы для людей, обремененныхъ семействомъ. Надобно было, скрѣпя сердце, повиноваться, но по внутреннему убѣжденію, я не могъ согласиться съ справедливостію такихъ воззрѣній. Если не доставало денегъ для вознагражденія другихъ лицъ малыми преміями, то отсюда не вытекала необходимость вознаграждать ихъ на мой счетъ. Что же касается до принятія во вниманіе семейныхъ дѣлъ особъ, подающихъ сочиненія на премію, то ясно, что академія не можетъ быть благотворительнымъ заведеніемъ, и правила раздачи премій установлены вовсе не въ видахъ благотворительности: академіи надлежало цѣнить прямо одно лишь сочиненіе, а не семейную обстановку автора. Цѣль, съ какою установлено давать большія и малыя преміи, совершенно нарушается такими взглядами: всегда есть возможность явиться въ изобиліи сочиненіямъ, достойнымъ малыхъ премій—и если, для удовлетворенія ихъ авторовъ, признается необходимымъ отнимать двѣ трети большой преміи у того, кто заслужилъ ее, то не слѣдовало и устанавливать большой преміи. Да и самая благотворительность Академіи Наукъ можетъ быть несостоятельна: ученый, имѣющій большое семейство, можетъ нуждаться гораздо менѣе ученаго одинокаго, если имѣетъ взрослыхъ дѣтей, совершенно пристроенныхъ и помогающихъ родителю своими трудами или своими личными средствами къ содержанію; ученый семейный можетъ, при счастливой семейной жизни, обладать хорошимъ здоровьемъ,—а ученый одинокій можетъ, при своихъ трудахъ и безотрадной жизни, разстроить свое здоровье и потерять зрѣніе, не имѣя ни въ комъ поддержки. Наконецъ часто ученый-семейный можетъ владѣть имуществомъ, превосходящимъ состояніе ученаго одинокаго. Не входя въ объясненія съ академіей по этому предмету, я получилъ малую премію, съ полною рѣшимостію никогда уже не представлять на преміи моихъ сочиненій въ то учрежденіе, которое, въ раздачѣ премій, не сообразуется съ приговоромъ лицъ, которымъ довѣряло разборъ сочиненій, а руководствуется особыми, никѣмъ офиціально не установленными взглядами, невыраженными въ правилахъ о преміяхъ.

Въ октябрѣ я отправился въ Москву для осмотра малорусскихъ бумагъ, хранящихся въ сенатскомъ архивѣ. Около мѣсяца раз-

сматривалъ я эти бумаги и, выбравши изъ нихъ то, что по моимъ соображеніямъ годилось къ ближайшему напечатанію въ «Актахъ Южной и Западной Россіи», указалъ все это къ пересылкѣ по почтѣ въ Археографическую Комисію. Когда я воротился въ Петербургъ и за мною вслѣдъ присланы были въ Комисію эти отобранныя бумаги, я предпринялъ составить по нимъ монографію о гетманствѣ Дорошенка, которая составляла бы продолженіе тѣхъ монографій, какія были уже написаны мною по исторіи Малороссіи. Я надѣялся мало-по-малу написать такимъ образомъ всю исторію Малороссіи, обрабатывая ее по періодамъ. Теперь очередь была за эпохою Дорошенка, и я принялся приводить въ порядокъ и изучать добытые мною источники.

Въ это время, въ отчетѣ Академіи Наукъ, былъ напечатанъ составленный Германомъ разборъ моего сочиненія «Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой». Изъ отчета было видно, что академія посылала на просмотръ нѣмецкому ученому рецензію, написанную на мое сочиненіе Иловайскимъ. Германъ отвергъ эту рецензію и не соглашался съ замѣчаніями Иловайскаго. Нѣмецкій ученый, знающій хорошо русскій языкъ, въ рецензіи своей сознавался, что не зная польскаго языка, не въ состояніи провѣрить моего способа обращенія съ польскими источниками, особенно тѣми, которые лежали въ рукописяхъ въ петербургскомъ и московскомъ архивахъ. Относительно моихъ взглядовъ, Германъ находилъ у меня нѣкоторую долю русскаго патріотизма, помѣшавшую мнѣ съ полнымъ безпристрастіемъ отнестись къ польскимъ событіямъ. Между прочимъ почтенный нѣмецкій ученый заявляетъ свое несогласіе относительно моего взгляда на конституцію 3-го мая и на Тарговицкую конфедерацію. Въ этомъ случаѣ я готовъ поспорить съ достоуважаемымъ профессоромъ. Нѣтъ сомнѣнія, что въ конституціи 3-го мая находятся черты, вполне заслуживающія сочувствія и, при благопріятномъ стеченіи обстоятельствъ, онѣ могли бы принести хорошіе плоды, но историкъ не долженъ останавливаться надъ тѣмъ, что могло бы выйти, еслибы обстоятельства сложились иначе, а долженъ имѣть въ виду состоятельность или несостоятельность учрежденій при тѣхъ обстоятельствахъ, какія дѣйствительно сложились въ исторіи. Съ другой стороны не слѣдуетъ черезъ-чуръ обвинять членовъ Тарговицкой конфедераціи за то, что ихъ дѣйствія оказались пагубными: они были дѣти своего вѣка, выступали на историческое поприще съ понятіями, усвоенными изъ поколѣнія въ поколѣніе. Былъ ли виноватъ полякъ въ томъ, что, считая республику лучшимъ учрежденіемъ въ мірѣ, понималъ ее въ томъ образѣ, въ какомъ видѣлъ

съ дѣтства и въ какомъ научился понимать отъ своихъ родителей и наставниковъ? Въ концѣ XVIII вѣка люди еще не доросли до сознанія той истины, что тѣ или другія политическія формы сами по себѣ не важны, а ихъ хорошія или дурныя послѣдствія зависятъ отъ степени нравственнаго и умственнаго развитія общества. Идея французской революціи, провозгласившія великую и святую истину равенства всѣхъ людей предъ закономъ, въ то время еще нигдѣ не понимались. Всѣ правительства Европы, боясь страшнаго пугала якобинства, прилагали всѣ старанія не допустить въ управляемыхъ ими обществахъ господства этихъ идей тѣмъ болѣе, что это господство представлялось какъ бы связаннымъ съ господствомъ безбожія и уничтоженія положительной религіи. Удивительно ли, что воспитанные въ строго-католическомъ духѣ польскіе паны боялись того же, а при долговременной политической своей невоспитанности, простодушно повѣрили въ искренности монарховъ, поддерживающихъ старое республиканское правленіе въ Польшѣ. Наконецъ даже тѣ изъ нихъ, которые дѣйствовали съ явными видами удовлетворенія личныхъ выгодъ и тщеславія—предъ историческимъ судомъ находятъ для себя извѣстную долю оправданія въ недостаткѣ воспитанія и господствѣ общественныхъ предразсудковъ своего времени. То же остается мнѣ сказать и относительно того взгляда на національный характеръ поляковъ, въ чемъ меня упрекали не только Германъ, но и нѣкоторые изъ нашихъ критиковъ. Указывая на тѣ черты польскаго характера, съ которыми явилась польская жизнь въ своей исторіи, я не смотрѣлъ и не смотрю на этотъ характеръ, какъ на что-то свыше опредѣленное судьбою, а какъ на результатъ тѣхъ явленій исторической жизни, которыя сложились въ незапамятной древности и не могутъ быть обследованы мною при недостаткѣ источниковъ. Если кто другой найдетъ возможнымъ ихъ обследовать—тѣмъ лучше. Одно только я принимаю во вниманіе и намѣчаю себѣ для будущей переработки моего труда, если доживу до возможности этой переработки: это то, что многое составлявшее какъ бы отличительныя черты польской общественной жизни, не принадлежало исключительно Польшѣ, а составляло достояніе всей Европы въ прошлыя времена; но и тутъ всѣ такіе общіе признаки выражались въ каждой странѣ съ чертами, ей одной свойственными. Такъ, напримѣръ, всѣмъ извѣстное порабощеніе простаго класса народа въ Польшѣ, въ сущности своей, не составляло исключительной принадлежности польской націи: тѣ же начала мы видимъ и въ другихъ странахъ Европы, а только въ Польшѣ, при ея республиканскомъ образѣ правленія, эти начала

принесли своеобразные и болѣе чѣмъ гдѣ-нибудь печальные плоды. Наконецъ уродливое безобразничанье и самодурство, которыми такъ отличались польскіе паны стараго времени, нельзя въ принципѣ приписывать характеру однихъ поляковъ и условіямъ ихъ общественной жизни, потому что подобныхъ чертъ можно легко отыскать и въ тогдашней Германіи въ бытѣ тамошнихъ князей и рыцарей, только въ Польшѣ менѣе чѣмъ гдѣ-нибудь было удержу необузданнымъ выходкамъ зазнавагоса привилегированнаго сословія.

Въ декабрѣ 1872 года у меня начали болѣть глаза, а докторъ, къ которому я обратился, не зная моей мнительности, до того напугалъ меня, что я впалъ въ уныніе, покинулъ работу за Дорошенкомъ и долго не могъ ни за что приняться. Глазамъ моимъ отъ напряженія дѣлалось все хуже и хуже. Другіе врачи сказали мнѣ, что единственнымъ спасеніемъ моимъ отъ слѣпоты будетъ, если я на продолжительное время стану воздерживаться не только отъ разбора старыхъ бумагъ, но даже и вовсе отъ чтенія и письма. Я чувствовалъ въ глазахъ страшную ломоту, доводившую меня иногда до крика; боли усиливались по вечерамъ, когда нужно было употреблять свѣчи—лампы уже давно стали невыносимы для моихъ глазъ. При такомъ состояніи моего зрѣнія, при боляхъ, невозможность предаваться любимымъ трудамъ по изслѣдованію занимавшими меня научными вопросами, повергала меня въ сильнѣйшую тоску, окончательно разбившую мою нервную систему. Я положительно пропадалъ отъ бездѣйствія. Тогда, по совѣту многихъ знакомыхъ, я рѣшился приняться за составленіе «Русской исторіи въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей», предназначая эту исторію для популярнаго чтенія. Мысль эта уже много разъ и прежде была настойчиво сообщаемъ мнѣ знакомыми, но я не поддавался ей, будучи постоянно увлекаемъ другими вопросами отечественной исторіи. Теперь, по причинѣ рѣшительной невозможности заниматься чтеніемъ источниковъ и вообще тою подготовительною работою, какой требуютъ новые научные историческіе труды, я рѣшился послѣдовать внушаемому мнѣ намѣренію и приступилъ къ составленію «Русской исторіи въ жизнеописаніяхъ»: отдаленные періоды русской исторіи, съ ея дѣятелями, были уже во многихъ частяхъ изучены мною при отдѣльных изслѣдованіяхъ, и потому предпринимаемая задача не представлялась трудною и безпокойною для моихъ нервовъ. Для сбереженія глазъ, я пригласилъ жену моего бывшаго пріятеля г-жу Бѣлозерскую читать мнѣ вслухъ мѣста, которыя я укажу въ источникахъ и писать текстъ по моей диктовкѣ. Ея

сестра, г-жа Кульжинская, изъявила желаніе быть издательницею моей Исторіи. Такимъ образомъ я принялся за трудъ, подходившій къ тому состоянію зрѣнія, въ какомъ оно у меня находилось. Въ маѣ 1873 года былъ уже готовъ первый выпускъ моей Исторіи. Отдавши ее въ печать, я тотчасъ же принялся за другую и тѣмъ же способомъ работалъ надъ нимъ.

Между тѣмъ, на короткое время, я обратился снова къ эпохѣ Смутаго времени. Появившаяся въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія» статья Е. А. Бѣлова силилась доказывать, что царевичъ Димитрій не былъ никѣмъ умерщвленъ, а дѣйствительно самъ себя зарѣзалъ въ припадкѣ падучей болѣзни, какъ показывается въ слѣдственномъ дѣлѣ, которое послѣ его смерти производилъ въ Угличѣ князь Василій Шуйскій. Статья Бѣлова представляла новую попытку вносить въ исторію Смутаго времени парадоксальныя понятія и я счелъ нужнымъ опровергнуть ее и разобралъ слѣдственное дѣло объ убіеніи царевича Димитрія, чтобы показать несостоятельность вытекающихъ изъ него заключеній. По мнѣнію, которое я изложилъ въ тогдашней своей статьѣ, царевичъ Димитрій былъ несомнѣнно убитъ, но дѣйствительно ли Годуновъ давалъ приказаніе убить его, или его клеветы благодарсудили сами угодить ему втайнѣ и совершили убійство безъ его приказа, но съ явнымъ сознаніемъ, что совершенное ими злодѣяніе будетъ ему пріятно и полезно—это остается въ неизвѣстности. Что же касается до производства слѣдствія Шуйскимъ, то этотъ князь собственно и не могъ по слѣдствію отыскать убійцу Димитрія: ихъ уже не было на свѣтѣ; оставалось поставить дѣло такъ, чтобы угодить сильному Годунову, иначе Шуйскій не могъ бы сдѣлать послѣднему ничего особенно вреднаго, но вооружилъ бы его противъ себя напрасными попытками сдѣлать ему вредъ.

Въ концѣ іюля, по приглашенію гг. Кульжинскихъ, отправился я въ Екатеринославъ. Я ѣхалъ по желѣзной дорогѣ, а потомъ по Днѣпру. Проживши съ недѣлю у моихъ знакомыхъ въ Екатеринославѣ, я поѣхалъ на обывательскихъ внизъ по Днѣпру для обозрѣнія пороговъ и береговъ. Много описаній читалъ я прежде объ этихъ мѣстностяхъ и давно уже порывался ихъ видѣть; наконецъ удобный случай представился исполнить мое давнее желаніе. Днѣпръ и его берега показались мнѣ живописнѣе и поэтичнѣе того, какъ я рисовалъ ихъ себѣ въ воображеніи. На протяженіи всего теченія Днѣпра по порогамъ, оба берега становятся высокими; шумъ прорывающихся черезъ пороги волнъ слышенъ болѣе чѣмъ за версту. Въ особенности живописны пороги Ненасытецкій и Вольвикскій. У самаго Ненасытецкаго порога, на высокомъ правомъ

берегу лежитъ имѣніе Синельниковыхъ. Гуль бѣгущей оъ пороговъ воды, достигая села, такъ силенъ, что мѣшаетъ разслышать слова въ разговорѣ. Къ сожалѣнію я путешествовать въ такое время года, когда вода значительно спала, но ранѣе—въ маѣ и въ іюнѣ, какъ говорятъ, гуль пороговъ еще бываетъ громче и вообще мѣстность эта кажется болѣе привлекательною. Здѣсь я узналъ, что въ селѣ проживаетъ старый слѣпой бандуристъ, по имени Архипъ, знающій много старыхъ козацкихъ думъ и пѣсень, но его не могли найти для меня: онъ отправился въ Новомосковскъ на ярмарку по своему пѣсенному промыслу. Жители здѣсь, какъ и вообще на днѣпровскомъ берегу около пороговъ, малоруссы и если отличаются отъ жителей болѣе верхняго края Малороссіи, то развѣ сравнительно болѣе сохранившеюся чистотою малорусской рѣчи, большею опрятностью въ домашней жизни, зажиточностью и ношеніемъ бородъ. Путь, южнѣе Вольникскаго порога, по правому берегу Днѣпра, идетъ еще въ виду нѣсколькихъ пороговъ одного за другимъ, но здѣсь, между порогами, являются на Днѣпрѣ острова, заросшіе лѣсомъ. Островъ Княжіи и островъ Виноградскій — самые обширные изъ этихъ острововъ. Кромѣ пороговъ, которыхъ числомъ тринадцать, я встрѣчалъ двѣ заборы. Такъ называются тоже пороги въ меньшемъ размѣрѣ; но, по извѣстію жителей, они не только не безопаснѣе для плавающихъ по Днѣпру, но даже представляютъ чаще случаевъ разбитія челновъ. Плаваніе между порогами опасно только при спущеніи челна черезъ паденіе порога, но рыбаки безъ всякаго опасенія пускаются посреди пороговъ поперекъ Днѣпра ловить рыбу, которой, говорятъ, здѣсь изобиліе. Послѣдній, самый южный изъ пороговъ, носитъ мѣстное названіе «Гадючій», почти такой же шумный, какъ Вольникъ и живописенъ по береговымъ окрестностямъ. Черезъ нѣсколько верстъ ниже его, Днѣпръ суживается; по обѣимъ сторонамъ его, берега очень высоки и круты; жители увѣрены, что здѣсь, въ незапамятныя времена, рѣка пробила гору и нашла себѣ выходъ. Быть можетъ именно на это мѣсто намекаетъ пѣснь о походѣ Игоря, выражаясь обращеніемъ къ Днѣпру: «Ты пробилъ еси горы каменные сквозъ землю Половецкую». Выступая изъ ущелья, Днѣпръ широко разливается и первый предметъ поражающій глаза — островъ Хортица, протяженіемъ на двѣнадцать верстъ, съ высокими берегами, поросшіи лѣсомъ. Этотъ островъ въ древности носилъ названіе «Варяжскаго» и въ XVI вѣкѣ былъ первымъ поселеніемъ запорожцевъ подъ начальствомъ князя Димитрія Вишневецкаго, но не надолго. По жалобѣ крымскаго хана, король Сигизмундъ-Августъ велѣлъ

свести козаковъ съ острова, а черезъ нѣсколько лѣтъ запорожцы zaloжили себѣ новое поселеніе пониже Хортицы, на островѣ Томаковѣ. Теперь на Хортицѣ заложена нѣмецкая колонія меннонитовъ, а на правомъ берегу Днѣпра, почти противъ Хортицы, нѣсколько сѣвернѣе, находится другая меннонитская колонія Кичкась. Проѣзжая черезъ послѣднюю колонію, я осмотрѣлъ житье-бытье меннонитовъ и былъ изумленъ чрезвычайно цвѣтущимъ состояніемъ ихъ быта. Дворы ихъ обсажены садами, домики просторны и свѣтлы, хотя крыты соломой и носятъ на себѣ характеръ малорусскаго жилья, только несравненно культурнѣе и богаче. Вездѣ въ домикахъ деревянные полы, чисто вымытые, заборы и все хозяйственныя постройки содержатся въ порядкѣ и нигдѣ не видно того верящества и безпечности, какими страдаютъ наши русскія деревенскія постройки. Меннониты разводятъ у себя виноградъ и шелковицы и добываютъ шелкъ; въ одномъ меннонитскомъ дворѣ я засталъ семью, работающую надъ вываркою шелковичныхъ коконъ. Близъ самой колоніи красуется прямой, превосходный лѣсъ, сѣянный назадъ тому двадцать лѣтъ. Меннониты съ гордостью увѣряютъ, что это предразсудокъ, будто край екатеринославской губерніи, по своей природѣ, безлѣсный. Все они грамотны, отдаютъ дѣтей въ свои училища и не чуждаются туземнаго языка. Разговорившись съ меннонитами, я съ удивленіемъ услышалъ изъ ихъ устъ безукоризненно правильную малорусскую рѣчь. Отъ Кичкаса отправился я внизъ до Никополя. При устьѣ «Конской рѣки», впадающей въ лѣвый берегъ Днѣпра, виднѣлся островъ Томаковка, гдѣ была Запорожская Сѣчь до перехода своего пониже и гдѣ теперь село Капуловка. Здѣсь-то, на Томаковѣ, укрывался Богданъ Хмельницкій, когда убѣжалъ отъ польской погони и здѣсь собиралъ бѣглецовъ изъ Украины, чтобы грянуть весною на польскихъ гетмановъ.—Днѣпръ измѣняетъ свой характеръ, разбиваясь на множество рукавовъ, текущихъ посреди островковъ, называемыхъ здѣсь плавнями и большею частію заливаемыхъ весеннею водою. По приближеніи къ Никополю, я свернулъ на почтовую дорогу и случайно встрѣтилъ на ней крытую телегу со спящимъ бандуристомъ, ѣхавшимъ съ женою и дѣтьми. Остановившись, я подозвалъ его и сталъ спрашивать, что ему извѣстно, а потомъ заставилъ пѣть, пытаюсь услышать отъ него что-нибудь для меня неизвѣстное въ области малорусской пѣсенности. Бандуристъ перебралъ съ десятокъ думъ, но все это были давно извѣстныя и много разъ напечатанныя; даже варианты его не представляли такихъ чертъ, на которыя слѣдовало бы обратить вниманіе. Этотъ бандуристъ подтвердилъ мнѣ слышанное

мною близъ Ненасытецкаго порога объ Архипѣ, котораго называлъ своимъ учителемъ и говорилъ, что Архипъ знаетъ много такихъ думъ, которыя теперь уже всеми забыты и, между прочимъ думу о подвигахъ атамана Сирка. Разставшись съ бандуристомъ, я прибылъ въ Никополь, гдѣ, кромѣ грязной почтовой станціи, нигдѣ не могъ пріютиться. Днѣпръ въ Никополѣ также покрытъ рядомъ зеленыхъ плавней, обросшихъ верболозомъ. Отсюда отправился я на почтовыхъ на то мѣсто, гдѣ была долгое время Запорожская Сѣчь, разоренная при Петрѣ Великомъ. Запорожцы ушли послѣ того ниже къ Алешкамъ, а черезъ сорокъ лѣтъ возвратились на прежнее пепелище и пребывали здѣсь до послѣдняго уничтоженія запорожской общины въ 1775 году. Слѣдуя въ виду Днѣпра по правому его берегу, прибылъ я въ село Капуловку и здѣсь наткнулся на каменный могильный крестъ. По надписи я увидѣлъ, что здѣсь погребено было тѣло одного запорожскаго воина, скончавшагося въ тридцатыхъ годахъ XVIII вѣка. Мнѣ сообщили, что прежде было такихъ крестовъ много, но мало-по-малу они разнесены жителями на разныя хозяйственныя принадлежности и теперь осталось ихъ уже немного, въ томъ числѣ каменный крестъ на могилѣ знаменитаго Сирка, находящейся въ огородѣ одного жителя. Я проѣхалъ черезъ Капуловку въ смежное съ нею село Покровское осмотрѣть запорожскую церковь. Я обратился тамъ къ священнику, который хотя и повелъ меня по желанію моему въ церковь, но не показалъ большой любезности при ея осмотрѣ. Въ церкви иконостасъ новый, только остались почетныя мѣста для кошевого и писаря въ видѣ прилавокъ, подобно тѣмъ, какія дѣлаются иногда въ монастыряхъ. На хорахъ церкви свалены грудой остатки прежняго иконостаса, бывшаго еще при запорожцахъ. Осматривая тамъ образа, я не нашелъ ничего особенно выдающагося; видно было, что иконостасъ этотъ дѣлался не въ Запорожѣ, а пріобрѣтенъ отъ художниковъ, жившихъ въ другихъ мѣстахъ. Возвращаясь въ Капуловку, я заходилъ въ одну хату, построенную еще въ запорожскія времена однимъ изъ запорожскихъ товарищей. Имя этого строителя хаты вырѣзано имъ ножомъ на сволокѣ. Дерево употребленное для постройки хаты, отличается массивностью и большою крѣпкостью; внутренность хаты не представляетъ ничего особеннаго въ сравненіи съ нынѣшними хатами; она не велика — объ одномъ только покоѣ и не имѣетъ комнаты, какъ иногда бываетъ въ малорусскихъ хатахъ зажиточныхъ людей. Осмотрѣвши эту хату, отправился я на могилу Сирка. Огородъ, въ которомъ находится этотъ историческій памятникъ запорожской старины, при-

надлежить одной крестьянской вдовѣ, недавно потерявшей мужа. Я увидѣлъ холмъ, обросшій со всѣхъ сторонъ посаженными подсолнечниками; на немъ возвышался сѣрый каменный крестъ съ надписью, гласившей, что здѣсь погребенъ Іоаннъ Димитріевичъ Сирко, кошевой атаманъ войска запорожскаго; далѣе слѣдуетъ день его преставленія. Мнѣ пришло сомнѣніе—дѣйствительно ли здѣсь сокрыты бранные останки славнаго козацкаго героя и не поставили ли запорожцы этотъ крестъ только въ память о немъ, такъ какъ изъ бумагъ, хранящихся въ Архивѣ Иностранныхъ Дѣлъ, я зналъ, что Сирко, въ послѣдніе годы своей жизни, проживалъ близъ Харькова въ селѣ Мерефѣ, въ имѣніи, пожалованномъ ему царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ. Впрочемъ, лѣтописецъ Венчко говоритъ, что онъ умеръ у себя на пасикѣ близъ Сѣчи и тѣло его было привезено козаками въ челнѣ для погребенія въ Сѣчу.

Обозрѣвая съ днѣпровскаго берега видъ на Днѣпръ, я былъ пораженъ обильною и яркою зеленою плавней и луговъ, раскинутыхъ на необозримыя пространства. Между множествомъ островковъ, поросшихъ верболозомъ, вились ярко-блестѣвшіе противъ солнца протоки Днѣпра. Одинъ изъ островковъ до сихъ поръ носить названіе Сичи. По преданію, здѣсь въ укрѣпленіи находилась запорожская «скарбница». Слѣды окоповъ видны до сихъ поръ, хотя берега этого островка, сильно подмытые водой, утратили свой первоначальный видъ. Я простился съ бывшимъ жилищемъ запорожскихъ козаковъ и отправился въ обратный путь въ Екатеринославъ, а черезъ недѣлю — по Днѣпру въ Кіевъ, куда долженъ былъ слѣзть по командировкѣ отъ Археографической Комисіи для присутствія въ предварительномъ комитетѣ, собиравшемся въ Кіевѣ по устройству третьяго археологическаго съѣзда, назначеннаго въ этомъ городѣ на 1874-й годъ. На пути туда я испыталъ, что значитъ путешествовать съ іудеями. Въ первомъ классѣ на пароходѣ, гдѣ я занялъ мѣсто, расположилась ихъ цѣлая толпа. Когда я вышелъ на палубу и потомъ воротился въ свою каюту, то увидалъ, что одинъ іудей безъ церемоніи сбросилъ на землю мой дорожній мѣшокъ и улегся на принадлежащее мнѣ мѣсто, подмостивши себѣ подъ ноги мою подушку. Я просилъ его сойти. Онъ не обращалъ вниманія, а другіе іудеи напустились на меня, какъ я смѣю трогать спящаго. Я обратился къ капитану; послѣдній вошелъ въ каюту, разбудилъ спящаго и заставилъ его перейти на свое мѣсто; но на другой день, уже недалеко отъ Кіева, я вышелъ на палубу и, возвратясь въ каюту, увидалъ, что на моей койкѣ залегъ другой іудей, также какъ и первый употребивши мою подушку себѣ подъ ноги. Я снова отправился къ капитану.

Опять капитанъ пришелъ освобождать мою койку, но тогда другой, неспавшій іудей, придрался ко мнѣ и началъ говорить дерзости, замѣчая, что если бы его побезпокоили такимъ образомъ, такъ онъ не посмотрѣлъ бы на то, что я пожилой человекъ и употребилъ бы въ дѣло свои кулаки. Я обратился къ капитану и просилъ сообщить мнѣ имя оскорбляющаго меня господина, обѣщая, по пріѣздѣ въ Кіевъ, искать судебной управы на оскорбителя. Капитанъ потребовалъ отъ насъ обоихъ паспорта. Іудей, увидѣвши изъ паспорта мой чинъ и званіе командированнаго должностнаго лица, вдругъ смирился и началъ просить извиненія, но я сказалъ ему, что по пріѣздѣ въ Кіевъ первымъ моимъ дѣломъ будетъ наказать судебнымъ порядкомъ наглое нахальство. Когда пароходъ проплывалъ подъ желѣзнодорожный мостъ, іудей пытался заводить со мною разговоръ насчетъ искусства, съ которымъ построены мостъ, а я, вмѣсто отвѣта, припомнилъ ему уже выраженное разъ твердое намѣреніе раздѣлаться съ нимъ судомъ. Наконецъ, когда мы причалили къ Подолу, іудей сталъ предлагать мнѣ свои услуги относительно найма извозчика и рекомендовать помѣщеніе въ городѣ. Я снова припомнилъ ему его дерзость, сдѣлалъ ему внушеніе и, не принявши отъ него никакихъ услугъ, поѣхалъ въ гостиницу.

На другой же день, въ университетѣ св. Владимира, начались совѣщанія членовъ предварительнаго комитета, подъ предсѣдательствомъ графа Алексѣя Сергѣевича Уварова и продолжались девять дней. Намѣчены были темы рефератовъ, предполагавшихся къ чтенію на сѣздѣ; назначено раздѣлить сѣздъ на отдѣленія; предположено, кромѣ обычныхъ засѣданій, дать членамъ возможность осмотрѣть всѣ памятники кіевской старины, сдѣлать примѣрную раскопку кургановъ въ одной изъ окрестностей Кіева и совершить путешествіе по Днѣпру вверхъ до Вышгорода и внизъ до Канева.

Передъ отъѣздомъ изъ Кіева, я отправился вмѣстѣ съ П. П. Чубинскимъ посѣтить Братскій монастырь и, возвращаясь съ Подола черезъ Старый городъ, проѣхалъ мимо домика, въ которомъ 26 лѣтъ назадъ была послѣдняя моя квартира въ Кіевѣ, гдѣ я былъ арестованъ. На окнѣ того домика оказался выставленнымъ билетъ, объявляющій, что квартира отдается въ наемъ: я увидѣлъ возможность войти въ нее—и вмѣстѣ съ Чубинскимъ вступилъ во дворъ. Все было здѣсь такъ, какъ четверть вѣка тому назадъ, только деревья, окаймлявшія заборъ, во время оно молодыя, теперь стали большими и тѣнистыми. Я позвонилъ въ задней половинѣ дома; вышла хозяйка, молодая женщина лѣтъ тридцати и на мои вопросы о квартирѣ, повела насъ въ нее. Я вошелъ въ

стеклянную галерею, которую узналъ съ перваго раза, вошелъ въ комнаты—все было здѣсь по прежнему, словно какъ будто событіе, такъ потрясшее мою жизнь, происходило вчера. Заговоривши съ хозяйкой, я узналъ въ ней дочь хозяина, которая, во время моего житія въ ихъ домѣ, была маленькой дѣвочкой. Ея родители теперь уже не было въ живыхъ. Только разница въ цѣнѣ, за которую шла теперь эта квартира, указывала на большой промежутокъ времени, отдѣлявшій меня отъ той эпохи, куда неслись мои воспоминанія. За квартиру, которую отдавали мнѣ прежде за триста рублей въ годъ, просили теперь семьсотъ.

Я вышелъ изъ этого мѣста съ невольною грустью. Товарищъ мой, видя это, сталъ распрашивать о подробностяхъ моихъ послѣднихъ дней въ Кіевѣ въ оное время и, по поводу воспоминанія о предстоящемъ въ то время моемъ бракѣ, спросилъ меня, имѣю ли я свѣденія о судьбѣ той особы, которая была моею невестою. Я отвѣчалъ, что къ сожалѣнію—нѣтъ. Вечеромъ въ тотъ же день, когда я уже собирался спать, явился ко мнѣ Чубинскій и сообщилъ мнѣ, что случайно узналъ о бывшей нѣкогда моею невестой особѣ, что она живетъ подлѣ Прилукъ въ деревнѣ, овдовѣла, имѣетъ трехъ дѣтей и что въ настоящее время ее ждутъ въ Кіевъ. Во мнѣ еще живѣе пробудились воспоминанія молодости; мнѣ сильно захотѣлось еще хотя разъ въ жизни увидѣть Алину Леонтьевну и узнать о ея судьбѣ. Я написалъ къ ней письмо, которое просилъ Чубинскаго доставить по назначенію. На другой день письмо мое было доставлено: она только что пріѣхала изъ имѣнія. Къ вечеру я получилъ отвѣтъ—она раздѣляла мое желаніе повидаться съ ней и пригласила меня посѣтить ее. вмѣсто молодой дѣвушки, какъ я ее оставилъ, я нашелъ пожилую даму и притомъ больную, мать троихъ полувзрослыхъ дѣтей. Наше свиданіе было столько же пріятно, сколько и грустно: мы оба чувствовали, что безвозвратно прошло лучшее время жизни въ разлукѣ, тогда какъ нѣкогда оба надѣялись, что оно пройдетъ вмѣстѣ. Въ настоящее время она страдала жестокою хроническою болѣзнію, отъ которой искать исцѣленія пріѣхала въ Кіевъ, надѣясь получить совѣты отъ мѣстныхъ врачей, а вмѣстѣ съ тѣмъ и привезла послѣ каникулъ дѣтей своихъ для помѣщенія въ учебныя заведенія, гдѣ они воспитывались. Мнѣ было пріятно по крайней мѣрѣ то, что на старости лѣтъ я могъ находиться въ прежнихъ дружескихъ отношеніяхъ съ тою, которую не переставалъ любить и искренно уважать. Пробывъ въ Кіевѣ еще два дня, я уѣхалъ въ Петербургъ.

XV.

Занятія и поѣздки. Болѣзнь. Тяжкая потеря. Отдых..... ¹⁾.

По возвращеніи въ столицу, я принялся за свою «Русскую Исторію въ жизнеописаніяхъ» еще съ большимъ рвеніемъ чѣмъ прежде, потому что моимъ глазамъ становилось нѣсколько лучше и я иногда могъ читать и писать самъ. Съ наступленіемъ темныхъ дней глазамъ приходилось плохо, но къ веснѣ они снова оправились, и я могъ снова читать и писать, хотя съ болѣею противу прежняго умѣренностію и вполнѣ убѣждаясь, что зрѣніе мое все болѣе и болѣе ослабѣваетъ. Къ веснѣ 1874 года было у меня готово уже четыре выпуска моей «Исторіи». Въ апрѣлѣ я поѣхалъ въ Полтавскую губернію, въ имѣніе особы, бывшей нѣкогда моей невѣстой, съ намѣреніемъ встрѣтить у нея весну, которой я уже такъ давно не видалъ въ Малороссіи. Я пробылъ въ сельцѣ Дѣдовцахъ (Прилукскаго уѣзда) три недѣли, пользуясь всѣми очарованіями весенней малорусской природы. Здѣсь, въ первый разъ въ жизни, я имѣлъ случай посѣтить малорусскую крестьянскую свадьбу, которая меня очень заняла, какъ новое для меня зрѣлище: обращаясь долго съ народомъ въ молодости, я никакъ не могъ встрѣтить случая повидать самое живое торжество народныхъ увеселеній и зналъ свадебную поэзію только по печатнымъ и въ разныхъ мѣстахъ записаннымъ пѣснямъ.

Въ половинѣ мая получилъ я отъ матушки письмо, понуждавшее меня скорѣе возвращаться въ Петербургъ, такъ какъ хозяинъ дома, въ которомъ я жилъ, собирался сдѣлать перестройки—и надобно было куда нибудь выбираться. Я поспѣшилъ домой. Предстояло либо искать другой квартиры, либо временно перейти на дачу, а на зиму воротиться въ прежнюю вновь отдѣланную квартиру. Мой хозяинъ надстраивалъ у себя въ домѣ четвертый этажъ, и для этого счелъ необходимымъ утолщить стѣну третьяго этажа, въ которомъ я жилъ. Нѣкоторые знакомые предупреждали меня, что послѣ такого измѣненія оставаться въ этой квартирѣ—значить рисковать здоровьемъ. Чтобы рѣшить этотъ вопросъ, я обратился къ одному знакомому архитектору и онъ увѣрилъ меня, что утолщеніе стѣны будетъ такъ незначительно, что успеетъ за одно лѣто просохнуть и не будетъ никакого риска для здоровья. Положившись на мнѣніе архитектора, я рѣшился удержать за собою

¹⁾ Это—намѣченное карандашомъ оглавленіе, которое предполагалось дополнить или измѣнить при продолженіи текста. (Изд.).

квартиру, тѣмъ болѣе, что къ ней я слишкомъ привыкъ, а переходъ на другую сопрягался для меня съ чрезвычайными трудностями: приходилось, во-первыхъ, искать квартиры, что не совсѣмъ легко въ Петербургѣ для небогатыхъ людей, желающихъ имѣть просторный кабинетъ для помѣщенія въ немъ библіотеки, — во-вторыхъ, перевозка самой библіотеки — трудъ не малый и отвлекающій на долго отъ обычныхъ занятій. Оставивъ за собою квартиру, какъ оказалось впоследствии — себѣ на горе, я переѣхалъ на дачу на Петровскомъ Острову, близъ самаго мѣста, ведущаго съ Петровскаго Острова на Крестовскій. Дача эта, хотя была на сыромъ мѣстѣ, но нравилась мнѣ своимъ превосходнымъ видомъ на Неву, протекающую у самаго балкона дачи. Такъ какъ мои глаза въ это время нѣсколько оправились, то я, поселившись на дачѣ, принялся писать собственноручно историческую повѣсть Кудеяра, взявши сюжетъ изъ эпохи Ивана Грознаго. Сверхъ того, здѣсь же я написалъ статью «Царевичъ Алексѣй Петровичъ», помѣщенную въ открывшемся послѣ того журналѣ «Древняя и новая Россія». Дачное время проходило для меня очень пріятно: меня посѣщали добрые знакомые, съ которыми по вечерамъ игралъ я на билліардѣ и велъ дружескую бесѣду; изъ нихъ чаще всего посѣщали меня старинный пріятель Данило Лукичъ Мордовцевъ и Дмитрій Евфимовичъ Кожанчиковъ. Въ послѣднихъ числахъ іюля, съ этой дачи, я отправился въ Кіевъ на археологическій съѣздъ, назначенный съ 1-го по 20-е августа, оставивши матушку на дачѣ и предоставивъ ей перебраться въ концѣ августа на отдѣланную нашу городскую квартиру.

Третій археологическій съѣздъ, изъ всѣхъ происходившихъ до сихъ поръ, былъ самый замѣчательный и интересный. Графъ Алексѣй Сергѣевичъ Уваровъ постарался заранѣе пригласить къ нему иностранныхъ словянскихъ ученыхъ изъ Чехіи, Сербіи и Франціи. Мѣстное археологическое богатство города Кіева придавало этому ученому собранію живой интересъ. Въ зданіи университета устроена была археологическая выставка разныхъ вещественныхъ памятниковъ старины, но, къ сожалѣнію, распорядители не успѣли составить во-время подробнаго и отчетливаго каталога. Каждый день было по два засѣданія утромъ и вечеромъ; на этихъ засѣданіяхъ читались рефераты по разнымъ отраслямъ археологической науки. Въ назначенные заранѣе дни, члены съѣзда совершали ученыя поѣздки по Кіеву, для осмотра старинныхъ церковныхъ зданій и мѣстностей, для уразумѣнія положенія древняго Кіева. — — —

Совершались путешествія и за предѣлы города Кіева. Первое

направлено было въ село Гатное, гдѣ совершена была раскопка двухъ древнихъ кургановъ, поросшихъ лѣсомъ. Въ этихъ курганахъ найдено было нѣсколько скелетовъ и глиняныхъ сосудовъ. Черезъ нѣсколько дней члены съѣзда отправились на пароходѣ по Днѣпру внизъ, останавливались и дѣлали раскопки въ селѣ Витичевѣ на мѣстѣ древняго города, но ничего не нашли тамъ; можно было видѣть только слѣды старинныхъ окоповъ и кирпичные остатки какихъ-то построекъ. Болѣе интереса представило посѣщеніе Трехтемирова, гдѣ находилась когда-то главная столица малороссійскаго козачества и гдѣ существовалъ монастырь, въ которомъ хранилась козацкая казна и погребались трупы умершихъ козацкихъ товарищей. Теперь нѣтъ никакихъ остатковъ этого монастыря, но за то въ нагорной почвѣ мѣстности, гдѣ онъ находился, отыскивается чрезвычайное множество человѣческихъ костей. Недалеко отъ бывшаго монастыря есть старыя пещеры, которыя обвалились: невозможно было опредѣлить къ какому времени онѣ относятся. На возвратномъ пути изъ Трехтемирова, члены съѣзда проминули Кіевъ и направились къ Вышгороду. Здѣсь осмотрѣли мѣсто, гдѣ находился Спасо-Межигорскій монастырь, принадлежавшій запорожцамъ, посѣтили Межигорскую фарфоровую фабрику и направились къ старой церкви древняго Вышгорода, стоящей на высокой горѣ. Мѣстный священникъ сообщилъ, что здѣсь отыскивалось нѣсколько старыхъ вещей въ могилахъ погребенныхъ тамъ въ древнія времена людей. Члены принялись тотчасъ разрывать почву около церкви и увидали на довольно большомъ пространствѣ кирпичные фундаменты, показывавшіе, что здѣсь находились когда-то значительныя каменные постройки. Мѣстоположеніе Вышгорода замѣчательно своею красотою и прекрасными видами съ вершины холмовъ на Днѣпръ и его лѣвые берега. Возвращаясь изъ Вышгорода уже ночью, пароходъ наткнулся на какой-то плотъ и чуть-было не потонулъ; успѣли на-скоро выливать воду, наполнившую каюту, и гнать пароходъ къ берегу Подола, чтобъ успѣть достигнуть его прежде, чѣмъ пароходъ могъ опуститься на дно.

Изъ рефератовъ, читанныхъ въ засѣданіяхъ съѣзда, любопытны были особенно тѣ, которые относились къ землянымъ раскопкамъ, совершеннымъ въ юго-западномъ краѣ Россіи, и изъ нихъ первое мѣсто занимали труды варшавскаго профессора Самоковскаго, производившаго поиски въ окрестностяхъ Чернигова и привезшаго на съѣздъ множество разныхъ металлическихъ, костяныхъ и каменныхъ вещей, вырытыхъ изъ могилъ языческаго періода. По признакамъ найденныхъ вещей, видно было, что трупы по-

койниковъ подвергались сожженію вмѣстѣ съ ихъ вооруженіемъ и при этомъ, какъ должно думать, на ихъ могилахъ убивались домашнія животныя и рабы. О времени, къ которому принадлежали эти курганы, можно было приблизительно судить только по двумъ византійскимъ монетамъ VIII и IX вѣка, найденнымъ въ раскопанныхъ могилахъ. Судя по искусству обработки вещей, здѣсь отысканныхъ, онѣ должны быть туземными произведеніями или, быть можетъ, полученными изъ сѣверной Россіи.

Кромѣ рефератовъ, относившихся къ курганнымъ древностямъ, замѣчательны были рефераты мѣстныхъ ученыхъ, касавшіеся козацкой исторіи края и его этнографіи. Изъ нихъ учитель кievской гимназіи Житецкій читалъ любопытный рефератъ о Пересопницкомъ Евангеліи, памятникѣ XVI вѣка, замѣчательномъ по языку: переводъ сдѣланъ на мѣстное нарѣчіе, очень похожее на нынѣшнее малорусское. Вмѣстѣ съ тѣмъ тотъ же референтъ сообщилъ ученія изслѣдованія объ исторіи образованія и измѣненія малорусскаго нарѣчія. Столько же важными были рефераты профессора кievскаго университета Драгоманова, касавшіеся малорусскихъ думъ и историческихъ пѣсенъ, которыя предъ тѣмъ явились въ свѣтъ въ изданіи профессоромъ кievскаго университета Драгоманова и Антоновича. Профессоръ петербургскаго университета Миллеръ вступилъ съ ними въ оживленный споръ относительно малорусскихъ думъ и ихъ связи съ великорусскими былинами. Для бѣльшаго ознакомленія членовъ съѣзда съ мѣстною народною поэзіею, приглашенъ былъ народный пѣвецъ бандуристъ Вересай. Многіе изъ членовъ первый разъ въ жизни познакомились съ приѣмами малорусскаго историческаго пѣнія и вообще это пѣніе имѣло важное значеніе, потому что самъ Вересай былъ уже одинъ изъ очень немногихъ пѣвцовъ, знавшихъ старинныя козацкія думы и сопровождавшихъ пѣніе игрой на бандурѣ: бандуристы во всей Малороссіи въ настоящее время почти совершенно исчезаютъ. Всякому безпристрастному слушателю было понятно и должно было показаться вполне естественнымъ и такъ-сказать законнымъ, если на кievскомъ археологическомъ съѣздѣ историческая народная поэзія козацкаго періода составляла одинъ изъ крупнѣйшихъ предметовъ ученой обработки; но не такъ взглянули на это газеты, привыкшія вездѣ отыскивать политическія цѣли и даже тамъ, гдѣ, повидимому, странно было искать ихъ. По окончаніи съѣзда, въ кievской газетѣ «Кіевлянинъ» начались печататься разные толки объ украинофильствѣ, приписывались референтомъ, читавшимъ о малорусской поэзіи, постороннія цѣли; съ ихъ голоса о томъ же заговорили столичные

газеты, особенно «Голось», такъ что самъ противникъ кievскихъ ученыхъ на сѣздѣ, профессоръ Миллеръ, принужденъ былъ стать въ печати защитникомъ своихъ бывшихъ противниковъ. Подозрѣнія, взводимыя тогда на кievскихъ ученыхъ, были до крайности неумѣстны и вредны въ томъ отношеніи, что на будущее время стѣсняли свободу выбора предметовъ, касавшихся мѣстной исторіи, литературы и этнографіи: послѣ того каждому становилось опасно пуститься на сѣздахъ въ толкованія о подобныхъ предметахъ науки, чтобы не подать повода къ подозрѣніямъ въ подобномъ родѣ, а между тѣмъ, если археологическіе сѣзды предположено собирать по очереди въ разныхъ краяхъ Россіи, то естественно надобно ожидать и желать, чтобы наибольшая и наилучшая часть рефератовъ относилась къ предметамъ мѣстной исторіи и археологіи. Я съ своей стороны выразилъ участіе свое на этомъ сѣздѣ чтеніемъ реферата объ образованіи княжеской дружины, о ея значеніи въ древнее время и о ея измѣненіяхъ въ послѣдующемъ бытѣ русскаго народа. Этотъ рефератъ не былъ напечатанъ, и самая рукопись моя оказалась затеряною.

По окончаніи сѣзда, я отправился въ село Дѣдовцы и, прогостивши нѣсколько дней у Алины Леонтьевны, возвратился въ Петербургъ. Со мною пріѣхала въ Петербургъ двѣнадцатилѣтняя дочь Алины Леонтьевны, Софія, которую я вызвался отвезти въ Воспитательное Общество благородныхъ дѣвицъ (Смольный институтъ), куда она была принята по баллотировкѣ. Я навѣщалъ ее по праздничнымъ днямъ въ теченіе осени и первой половины зимы. Продолжая во все это время заниматься «Русскою Исторіей въ жизнеописаніяхъ», я уже принялся за шестой ея выпускъ, какъ сталъ замѣчать какое-то утомленіе и чрезмѣрную раздражительность—и во второй половинѣ генваря 1875 года захворалъ тифомъ. Въ самый тяжкій періодъ развитія моей болѣзни, 1-го февраля, скончалась моя матушка, также отъ тифа, осложнившагося крупознымъ воспаленіемъ легкихъ. Я былъ въ то время въ безпамятствѣ. Происходили консультаціи врачей, пользующихся заслуженною извѣстностію; они находили мое состояніе безнадежнымъ. Попеченія и уходъ за мною Николая Ивановича Котенина и доктора Димитрія Андреевича Муринова спасли меня отъ смерти. Съ безпредѣльною благодарностію вспоминаю о добротѣ, терпѣніи и самопожертвованіи этихъ лицъ, а также и многихъ другихъ пріятелей и знакомыхъ, великодушно принявшихъ въ то время на себя трудъ ухаживанія за мной и моею матерью.

Тоска по матушкѣ замедляла ходъ моего выздоровленія; силы

возстановлялись вяло; зрѣніе упало совершенно. Врачи предписали мнѣ безусловный покой и отдыхъ, запретили какое бы то ни было напряженіе мысли и зрѣнія и въ половинѣ апрѣля уладили меня изъ Петербурга на поправку въ деревню.

9-го мая 1875 года я обвѣнчался съ Алиной Леонтьевной въ селѣ Дѣдовцахъ.

Къ моимъ трудамъ надъ шестымъ выпускомъ «Русской исторіи въ жизнеописаніяхъ», я приступилъ только въ концѣ 1875 года.

Въ іюнѣ 1876 года предпринялъ я путешествіе въ монастыри, находящіеся на Ладожскомъ озерѣ, куда уже мнѣ давно хотѣлось поѣхать. Я отправился вмѣстѣ съ пріятелемъ своимъ Д. Г. Лебединцевымъ 18 іюня на пароходѣ «Коневецъ» съ пристани близъ Смольнаго. Этотъ пароходъ не отличается ни удобствомъ помѣщенія, ни опрятностью, ни правильностью хода; несмотря на его небольшую величину, въ немъ набилось такое множество пассажировъ, что на палубѣ такъ же трудно было протолкнуться, какъ въ церкви во время праздничнаго богослуженія, и какъ только толпа пассажировъ скучивалась въ одну сторону палубы, такъ пароходъ наклонялся и пугалъ погруженіемъ; капитанъ безпрестанно кричалъ съ своей вышки, чтобы публика отходила въ другую сторону. Вонь была нестерпимая. Большинство пассажировъ принадлежало къ простонародію и состояло главнымъ образомъ изъ богомольцевъ, но въ числѣ плившаго народа было достаточное число чухонъ, такъ какъ пароходъ имѣлъ крайнимъ предѣломъ своего плаванія Сердоболь, куда чухны, возвращавшіеся изъ Петербурга, намѣревались пристать, чтобы оттуда отправиться внутрь Финляндіи, куда кому было нужно. Въ первомъ классѣ было нѣсколько дамъ, главнымъ образомъ изъ купеческаго быта. Когда мы поплыли по Невѣ, я увидѣлъ большую перемѣну на ея берегахъ послѣ того, какъ я видалъ ихъ десять лѣтъ тому назадъ; по крайней мѣрѣ верстъ на двадцать отъ Петербурга все было заселено и представляло какъ бы непрерывное продолженіе города; кромѣ фабрикъ и заводовъ, здѣсь виднѣлось множество дачъ, между которыми попадались лавочки, очевидно заведенныя торгашами, съ цѣлю снабжать дачниковъ припасами. Между фабриками и заводами всего болѣе бросались въ глаза фарфоровый и два литейныхъ завода на лѣвомъ берегу Невы; на томъ же берегу возвышались опустѣлыя огромныя постройки закрытой Александровской мануфактуры, еще такъ недавно снабжавшей Россію ситцевыми издѣліями. Послѣ пятичасоваго плаванія вверхъ по теченію,

мы прибыли въ Шлиссельбургъ, который, сколько могъ я замѣтить съ палубы парохода, не представлялъ никакихъ измѣненій противъ того вида, въ какомъ я зналъ его прежде; но когда мы проминули одинъ за другимъ два Ладожскіе канала—старый Петровскій или Миниховскій и новый, уже сдѣланный въ нынѣшнее царствованіе, ближе къ берегу озера и вступили въ широкую гладь Ладожскаго озера, намъ предстала крѣпость, хотя съ вида такая же мрачная и унылая, но уже далеко не такая страшная и зловѣщая. Я узналъ, что она въ недавнее время совсѣмъ упразднена и всѣ крѣпостныя орудія сняты со стѣнъ ея.

Плаваніе наше по озеру до Коневецкаго монастыря не совсѣмъ было пріятно: сдѣлалась качка, многіе подверглись морской болѣзни, въ томъ числѣ и я. Лимоны, которыми я, по данному мнѣ совѣту, запасся какъ предохранительнымъ средствомъ отъ вліянія качки, мнѣ ни мало не помогли. Мы плыли по открытому озеру; только вдали, по крайней мѣрѣ верстахъ въ двадцати, виднѣлись по временамъ финляндскіе берега. Мы прибыли въ Коневецъ позже нежели пароходъ обыкновенно пристаетъ къ этому монастырю: было уже десять часовъ вечера. Монастырь стоитъ возлѣ самой пристани, и за его оградой, надъ берегомъ, построены трехъ-этажный домъ монастырской гостинницы. Всѣ пассажиры, по прибытіи къ берегу, отправились туда по довольно красивой аллеѣ. Гостинница такъ обширна, что могла помѣстить не только такое количество пассажировъ, которое въ тотъ день привезъ нашъ пароходъ, но еслибы нужно было—и вдвое болѣе. Намъ отвели комнату довольно опрятную, потому что гостинница построена недавно, но постельное бѣлье не удовлетворяло вкусу, сколько нибудь привыкшему къ чистотѣ. Утромъ, часа въ три, всѣхъ помѣстившихся пассажировъ начали будить звонки, приглашавшіе благочестивыхъ людей къ заутрени; звонили такъ сильно и такъ долго, что спать долѣе было невозможно. Одѣвшись, я отправился по указанію служителя изъ монастырскихъ послушниковъ купаться, пробрался черезъ еловую рощу и спустился съ песчаного и довольно крутого берега къ озеру, куда указалъ мнѣ совѣтъ послушника; мѣсто было очень мелкое, дно каменистое, а вода до того холодная, что едва можно было продержаться двѣ минуты въ водѣ. Воротившись съ купанья, я отправился въ церковь, прослушалъ раннюю обѣдню и какъ до отплытія парохода оставалось еще нѣсколько времени, то мы отправились смотрѣть на знаменитый «Конь-камень», давшій названіе и острову и построенному на немъ монастырю. Мы шли стройнымъ еловымъ лѣсомъ съ версту и набрали на гранитную скалу, на вершинѣ которой построена

была деревянная часовня, съ ведущей къ ней по скалѣ деревянной лѣстницей. Объ этой скалѣ сохранилось такое преданіе. Въ тѣ времена, когда христіанство не успѣло еще распространиться въ этихъ предѣлахъ, здѣсь было языческое мольбище; пребывавшіе во мракѣ язычества чухны приходили сюда совершать требы своимъ богамъ и приносили имъ въ жертву жеребятъ. Боги эти, какъ вообще понимали христіане языческія божества, были на самомъ дѣлѣ бѣсы и творили передъ своими поклонниками ложныя чудеса или «мечты бѣсовскія». Пришелъ на островъ святой пустынникъ Арсеній и своею молитвою изгналъ бѣсовъ; со страшнымъ громомъ, повинуваясь святому мужу, удалились они и покинули островъ, гдѣ основалась христіанская обитель. Это относятъ къ концу XIV вѣка. Мощи преподобнаго Арсенія лежатъ, какъ говорятъ, въ монастырѣ, но подъ спудомъ; на мѣстѣ, гдѣ предполагаютъ его погребеннымъ, поставлена серебрянная рака, очень изящной работы съ вычеканеннымъ изображеніемъ св. Арсенія на верхней доскѣ. Гробъ этотъ стоитъ въ нижней церкви монастыря. Тамъ же находится икона Богородицы, принесенная, по преданію, этимъ Арсеніемъ, и признаваемая чудотворною. Оставивъ дальнѣйшее обозрѣніе Коневца на будущее время, когда придется возвращаться изъ Валаама, мы сѣли на пароходъ въ 8½ часовъ утра и поплыли далѣе.

Пространство между Коневцомъ и Валаамомъ менѣе того, которое мы проплыли отъ Шлиссельбурга до Коневца: вмѣсто ста двадцати верстъ, сдѣланныхъ въ прѣдшествовавшей день, намъ предстояло проплыть только семьдесятъ—и въ часъ пополудни мы увидѣли берега Валаамскихъ острововъ. Это архипелагъ, состоящій изъ сорока островковъ, изъ которыхъ только два имѣютъ нѣсколько значительное протяженіе; другіе до того малы, что простираются не болѣе какъ на нѣсколько саженой. Они расположены близко другъ отъ друга и раздѣлены между собою извилистыми проливами; берега этихъ острововъ чрезвычайно живописны и могутъ служить самымъ лучшимъ образчикомъ той сѣверной своеобразной красоты, которая даетъ право Финляндіи называться одною изъ живописнѣйшихъ странъ въ Европѣ. Въ мѣстоположеніи Валаамскихъ острововъ чувствуется что-то величественное и даже страшное. Гранитныя камни, нагроможденные природою другъ на друга, усыяны безчисленнымъ множествомъ елей, растущихъ причудливо съ такимъ малымъ запасомъ земли для корней, что невольно удивляешься—какъ могли они существовать; кое гдѣ падается рядомъ съ темною елью бѣлая береза. Очертанія скалъ и растущихъ на нихъ деревь, представляютъ такое разнообразіе,

мы прибыли въ Шлиссельбургъ, который, сколько могъ я замѣтить съ палубы парохода, не представлялъ никакихъ измѣненій противъ того вида, въ какомъ я зналъ его прежде; но когда мы проминули одинъ за другимъ два Ладожскіе канала—старый Петровский или Миниховскій и новый, уже сдѣланный въ нынѣшнее царствованіе, ближе къ берегу озера и вступили въ широкую гладь Ладожскаго озера, намъ предстала крѣпость, хотя съ вида такая же мрачная и унылая, но уже далеко не такая страшная и зловѣщая. Я узналъ, что она въ недавнее время совсѣмъ упразднена и всѣ крѣпостныя орудія сняты со стѣнъ ея.

Плаваніе наше по озеру до Коневецкаго монастыря не совсѣмъ было пріятно: сдѣлалась качка, многіе подверглись морской болѣзни, въ томъ числѣ и я. Лимоны, которыми я, по данному мнѣ совѣту, запасся какъ предохранительнымъ средствомъ отъ вліянія качки, мнѣ ни мало не помогли. Мы плыли по открытому озеру; только вдали, по крайней мѣрѣ верстахъ въ двадцати, виднѣлись по временамъ финляндскіе берега. Мы прибыли въ Коневецъ позже нежели пароходъ обыкновенно пристаетъ къ этому монастырю: было уже десять часовъ вечера. Монастырь стоитъ возлѣ самой пристани, и за его оградой, надъ берегомъ, построенъ трехъ-этажный домъ монастырской гостинницы. Всѣ пассажиры, по прибытіи къ берегу, отправились туда по довольно красивой аллеѣ. Гостинница такъ обширна, что могла помѣстить не только такое количество пассажировъ, которое въ тотъ день привезъ нашъ пароходъ, но еслибы нужно было—и вдвое болѣе. Намъ отвели комнату довольно опрятную, потому что гостинница построена недавно, но постельное бѣлье не удовлетворяло вкусу, сколько нибудь привыкшему къ чистотѣ. Утромъ, часа въ три, всѣхъ помѣстившихся пассажировъ начали будить звонки, приглашавшіе благочестивыхъ людей къ заутренѣ; звонили такъ сильно и такъ долго, что спать долѣе было невозможно. Одѣвшись, я отправился по указанію служителя изъ монастырскихъ послушниковъ купаться, пробрался черезъ еловую рощу и спустился съ песчаного и довольно крутого берега къ озеру, куда указалъ мнѣ совѣтъ послушника; мѣсто было очень мелкое, дно каменистое, а вода до того холодная, что едва можно было продержаться двѣ минуты въ водѣ. Воротившись съ купанья, я отправился въ церковь, прослушать раннюю обѣдню и какъ до отплытія парохода оставалось еще нѣсколько времени, то мы отправились смотрѣть на знаменитый «Конь-камень», давшій названіе и острову и построенному на немъ монастырю. Мы шли стройнымъ еловымъ лѣсомъ съ версту и набрали на гранитную скалу, на вершинѣ которой построена

была деревянная часовня, съ ведущей къ ней по скалѣ деревянной лѣстницей. Объ этой скалѣ сохранилось такое преданіе. Въ тѣ времена, когда христіанство не успѣло еще распространиться въ этихъ предѣлахъ, здѣсь было языческое мольбище; пребывавшіе во мракѣ язычества чухны приходили сюда совершать требы своимъ богамъ и приносили имъ въ жертву жеребятъ. Боги эти, какъ вообще понимали христіане языческія божества, были на самомъ дѣлѣ бѣсы и творили передъ своими поклонниками ложныя чудеса или «мечты бѣсовскія». Пришелъ на островъ святой пустынникъ Арсеній и своею молитвою изгналъ бѣсовъ; со страшнымъ громомъ, повинуваясь святому мужу, удалились они и покинули островъ, гдѣ основалась христіанская обитель. Это относится къ концу XIV вѣка. Мощи преподобнаго Арсенія лежатъ, какъ говорятъ, въ монастырѣ, но подъ спудомъ; на мѣстѣ, гдѣ предполагаютъ его погребеннымъ, поставлена серебрянная рака, очень изящной работы съ вычеканеннымъ изображеніемъ св. Арсенія на верхней доскѣ. Гробъ этотъ стоитъ въ нижней церкви монастыря. Тамъ же находится икона Богородицы, принесенная, по преданію, этимъ Арсеніемъ, и признаваемая чудотворною. Оставивъ дальнѣйшее обозрѣніе Коневца на будущее время, когда придется возвращаться изъ Валаама, мы сѣли на пароходъ въ 8½ часовъ утра и поплыли далѣе.

Пространство между Коневцомъ и Валаамомъ менѣе того, которое мы проплыли отъ Шлиссельбурга до Коневца: вмѣсто ста двадцати верстъ, сдѣланныхъ въ предшествовавшій день, намъ предстояло проплыть только семьдесятъ—и въ часъ пополудни мы увидѣли берега Валаамскихъ острововъ. Это архипелагъ, состоящій изъ сорока островковъ, изъ которыхъ только два имѣютъ нѣсколько значительное протяженіе; другіе до того малы, что простираются не болѣе какъ на нѣсколько саженой. Они расположены близко другъ отъ друга и раздѣлены между собою извилистыми проливами; берега этихъ острововъ чрезвычайно живописны и могутъ служить самымъ лучшимъ образчикомъ той сѣверной своеобразной красоты, которая даетъ право Финляндіи назваться одною изъ живописнѣйшихъ странъ въ Европѣ. Въ мѣстоположеніи Валаамскихъ острововъ чувствуется что-то величественное и даже страшное. Гранитные камни, нагроможденные природою другъ на друга, усыяны безчисленнымъ множествомъ елей, растущихъ причудливо съ такимъ малымъ запасомъ земли для корней, что невольно удивляешься—какъ могли они существовать; кое гдѣ попадаетъ рядомъ съ темною елью бѣлая береза. Очертанія скалъ и растущихъ на нихъ деревь, представляютъ такое разнообразіе,

что невольно забывается однообразность матеріаловъ, образующихъ эти дивные виды. Не менѣе придаетъ прелести кривое направленіе проливовъ между островками. Капитанъ, изъ любезности къ пассажирамъ, поплылъ къ монастырю не ближайшимъ прямымъ путемъ, а ломанными линіями проливовъ, мимо нѣсколькихъ скитовъ, съ возвышавшимися на скалахъ церквами и въ разныхъ мѣстахъ поставленными часовнями и крестами. Наконецъ, мы вошли въ самый большой проливъ и предъ нами, на возвышеніи скалы, предстала главная монастырская церковь, покрытая бѣлою жестью. У самаго монастыря сдѣлана пристань и едва мы причалили къ берегу, какъ на пароходъ вскочила толпа послушниковъ съ готовностью забирать наши вещи и провожать насъ въ гостинницу. Мы поднялись на скалу по гранитной лѣстницѣ и очутились въ монастырскомъ дворѣ. Рядомъ, недалеко отъ воротъ внутренняго двора, гдѣ была церковь и иноческія келіи, построена монастырская гостинница, еще обширнѣе Коневецкой и, какъ оказалось, гораздо удобнѣе. Насъ помѣстили въ чистой и свѣтлой комнатѣ; постельное бѣлье здѣсь было безукоризненной чистоты. На стѣнѣ вывѣшены были писанныя правила, служащія наставленіемъ для посѣтителей: какъ имъ жить и вести себя во время пребыванія въ монастырѣ. Каждый посѣтитель дѣлался на это время какъ бы членомъ монашеской общины и долженъ былъ подчиняться установленной дисциплинѣ. Объявленіе это гласило, что никто не долженъ безъ игуменскаго благословенія ходить по острову. Запрещалось стрѣлять, разводить огонь и курить табакъ. Никто изъ посѣтителей не долженъ давать монахамъ и послушникамъ ни денегъ, ни какихъ либо вещей, не могъ привозить съ собою сѣстнаго, а наипаче вина и мяса, и долженъ былъ довольствоваться монастырскими яствами. Такъ какъ время было обѣденное, то намъ предложили вкусить отъ монастырской трапезы: принесли куски чернаго и бѣлаго хлѣба, щи съ кислой капустой, гречневую кашу съ постнымъ масломъ и что-то въ родѣ ухи съ рыбой, а для питья поставили монастырскаго квасу и воды со льдомъ. Кушанье, несмотря на крайнюю простоту, показалось мнѣ вкуснымъ, тѣмъ болѣе, что постное масло для каши было безукоризненной свѣжести, и весь обѣдъ былъ сервированъ очень опрятно.

Послѣ обѣда, молодой послушникъ, явившійся къ нашимъ услугамъ специально по назначенію отъ игумена, предложилъ намъ посѣтить одинъ изъ скитовъ: толпа пассажировъ потянулась изъ гостинницы къ пристани и размѣстилась въ трехъ большихъ монастырскихъ лодкахъ. Мы сѣли вмѣстѣ съ нашимъ проводникомъ

въ одну изъ нихъ, выбравши самую немногочисленную, и направились къ Никольскому скиту проливомъ, въ виду живописныхъ извилистыхъ береговъ, проплыли мимо трехъ островковъ, расположенныхъ одинъ за другимъ и покрытыхъ кустарниками. Мы прибыли къ Никольскому скиту, находящемуся на высокомъ островѣ; церковь здѣсь новая, построенная назадъ тому не болѣе пятнадцати лѣтъ. Начали служить молебенъ Николаю Чудотворцу. Фигура святого сдѣлана деревянною статуею, одѣтою въ архіерейское облаченіе, въ расшитыхъ шелковыхъ башмакахъ. Статуя эта напоминала что-то католическое, но разница была та, что въ католическихъ церквахъ статуи обыкновенно стараются дѣлать съ соблюденіемъ по возможности изящныхъ формъ,—эта же деревянная статуя въ православномъ храмѣ могла назваться скорѣе куклою и для глазъ, сколько нибудь привыкшихъ требовать правильности или изящества, представлялась безобразною и невольно наводила на грѣшныя мысли о подобіи съ языческимъ истуканомъ. Богомольцы изъ простонародія не сознавали этого и съ благоговѣніемъ становили передъ нею свѣчи. Я не могъ удержаться, чтобъ не замѣтить провожавшему насъ послушнику, что православная церковь вовсе не одобряетъ не только такихъ безобразныхъ, но и никакихъ горельефныхъ изображеній; онъ пожалъ плечами и долженъ былъ согласиться съ этимъ, но въ извиненіе монастыря сказалъ, что это—благочестивое приношеніе того христіанца, который, по своему усердію, построилъ этотъ храмъ. Церковь обсажена березами.

Мы возвратились тѣмъ же путемъ въ монастырь и проводникъ провелъ насъ по терасѣ, устроенной надъ крутымъ обрывомъ скалы, что напомнило мнѣ Георгіевскій монастырь въ Крыму, съ тою разницею, что въ послѣднемъ морскія волны ближе подходятъ къ подножію терасы, чѣмъ здѣсь озеро. Мы дошли этимъ путемъ на монастырское кладбище; нѣсколько гранитныхъ плитъ съ надписями положены были на могилахъ иноковъ и надписи на нихъ свидѣтельствовали о долговѣчности здѣсь погребенныхъ. Такимъ образомъ, изъ десяти лежащихъ въ рядѣ, большая часть дожила до 80-ти лѣтъ, а немногіе умерли между 75 и 80-ю, одинъ же скончался 83-хъ лѣтъ. Въ числѣ могилъ послушникъ указалъ намъ на миѣнческую могилу шведскаго короля Магнуса, о которомъ, какъ извѣстно, сложилась легенда, будто этотъ король, послѣ несчастливой для себя войны съ новгородцами, приплылъ къ Валаамскому монастырю, обратился въ православіе и принялъ схиму. Легенда эта давно уже опровергнута еще Карамзинымъ, тѣмъ не менѣе, монахи считаютъ несомнѣннымъ историческимъ

фактомъ эту сказку и опираются главнымъ образомъ на то, что нѣкогда какому-то чухонцу во снѣ явился король Магнусъ и приказалъ идти на Валаамъ и поклониться его могилѣ.—Обошедши кладбище, мы возвратились въ гостинницу, а вскорѣ потомъ ударили ко всенощной. Мы отправились въ церковь. Сколько я могъ помнить, никогда еще не доводилось мнѣ стоять такой длинной всенощной: она продолжалась четыре съ половиною часа. Впрочемъ въ церкви устроено довольно мѣстъ для сидѣнья старикамъ и слабымъ тѣломъ. Пѣніе на Валаамѣ оригинальное, дышетъ стариною и нѣсколько напоминаетъ старообрядческое. Нельзя сказать чтобы, при этой продолжительности, чтеніе каѳизмъ и всего другого отличалось особенною внятностью и изяществомъ произношенія: читаютъ здѣсь тѣмъ же способомъ какъ вездѣ дьячки и даже довольно скоро, такъ что хотя я находился недалеко отъ чтеца, но съ трудомъ могъ слѣдить за содержаніемъ того, что онъ читалъ. Продолжительность богослуженія происходитъ оттого, что здѣсь пунктуально соблюдается вся формалистика обрядовъ, напримѣръ: тамъ, гдѣ по уставу слѣдуетъ произнести сорокъ разъ «Господи помилуй», считается грѣхомъ пропустить какойнибудь разъ, а иное поется сообразно уставу по три раза сряду; также замедляетъ богослуженіе обычай канонарха читать стихирей: каждое выраженіе стихиры сперва громко произносить канонархъ, а потомъ уже, со словъ его, поетъ клиръ. Въ Петербургѣ въ церквахъ нѣтъ ничего подобнаго; здѣсь, вмѣсто восемнадцати псалмовъ, назначенныхъ въ двухъ каѳизмахъ, читаютъ не болѣе шести, а иногда только три, да и то не доканчиваютъ, а останавливаются на срединѣ псалма; здѣсь въ Петербургѣ извиняютъ себя извѣстнымъ наставленіемъ апостола Павла, который говорить, что лучше пять словъ произнести со смысломъ и чувствомъ, чѣмъ расточать пустое многоглаголанье, да и слова самого Христа: во многомъ глаголаніи нѣтъ спасенія—приводятся въ оправданіе отступленій отъ формалистики устава; на Валаамѣ же думаютъ угодить Богу и соблюсти обѣтъ благочестія строгимъ исполненіемъ всей этой формалистики. По выходѣ изъ церкви, намѣстникъ игумена, отецъ Викторъ, сказалъ мнѣ, что на Валаамѣ есть монахъ, бывшій нѣкогда моимъ слушателемъ въ петербургскомъ университетѣ, и игумень благословилъ ему повидаться со мною. Этотъ монахъ не замедлил явиться. Я не припомнилъ его. По его словамъ, онъ, по окончаніи курса, возжелалъ удалиться отъ міра и поступилъ въ строжайшій изъ русскихъ монастырей; его зовутъ отецъ Пимень. Это человѣкъ между тридцатью и сорока годами, красивой наружности, но сильно исхудавшій, вѣроятно, отъ постовъ и общаго

удрученія плоти. Онъ обратился ко мнѣ съ любовнымъ расположеніемъ и сказалъ, между прочимъ, что когда въ 1875 году я былъ боленъ тифомъ, то изъ газетъ узнали объ этомъ въ монастырѣ и, съ благословенія игумена, молились о моемъ выздоровленіи. Самъ отецъ Пименъ завѣдуетъ монастырскою канцеляріею.

На другой день, послѣ ранней обѣдни, мы сказали нашему послушнику, чтобы онъ испросилъ благословенія игумена отправиться намъ по острову въ ближайшій изъ скитовъ. Черезъ нѣсколько минутъ этотъ послушникъ извѣстилъ насъ, что игумень благословляетъ; мы отправились за монастырскія ворота по дорогѣ, сначала мимо садовъ, потомъ черезъ лѣсъ. Здѣсь мы увидали, что окрестность монастыря обработана превосходно; это доказывало множество плодовыхъ деревьевъ, какія только могутъ хотя бы и съ трудомъ прозябать въ этомъ негостепріимномъ климатѣ; самый лѣсъ, по которому мы прошли версты три, не ограничивался здѣсь обычными хвойными деревьями и березами, — мы встрѣчали здѣсь посаженные дубы, липы, клены, кедры и даже каштаны. Вся дорога была тщательно убита пескомъ. Роцца эта представляла видъ благоустроеннаго парка. Скитъ, куда мы направились, былъ запертъ, и, прошедши по той же дорогѣ еще съ версту, мы воротились назадъ, потому что мошки рѣшительно не давали возможности слѣдовать далѣе. Не успѣли мы достигнуть до своей гостинницы, какъ нашъ послушникъ, встрѣтивъ насъ на пути, пригласилъ насъ отъ имени игумена отца Дамаскина къ нему и при этомъ сказалъ, что игумень, узнавши, что мы отправились «самочинно» въ лѣсъ, былъ этимъ очень недоволенъ. «Да не вы ли сами сказали, что игумень далъ свое благословеніе?» замѣтилъ я послушнику. — Да, отвѣчалъ послушникъ, но вы пошли сами въ лѣсъ, не взявши меня; игумень позволилъ, а потомъ вѣрно забылъ, только насъ за то распекалъ. — «Вы бы ему объяснили», сказалъ я. — Мы не смѣемъ отговариваться и оправдываться, — отвѣтилъ послушникъ.

Пришедши къ игумену, мы увидали восьмидесятилѣтняго старца, отъ слабости едва державшагося на ногахъ и постоянно подпиравшагося палкою. Онъ принялъ насъ ласково, но не могъ долго вести разговора по причинѣ старческой слабости, только надѣлилъ насъ образками святыхъ Сергія и Германа, просфорами и экземплярами составленнаго отъ его имени описанія Валаамскаго монастыря въ $\frac{1}{8}$ долю листа съ картинами, изображавшими видъ Валаама. Сколько можно было судить по собственнымъ его пріемамъ и по отзывамъ объ немъ братіи, это человѣкъ въ высокой степени замѣчательный, какъ организаторъ и правитель.

Онъ игуменствуетъ на Валаамѣ съ 1839 года и успѣлъ поставить себя такъ, что вся братія ему безусловно повинуется и предъ нимъ благоговѣтъ. Важное его достоинство то, что онъ человѣкъ безукоризненно честный, прямой и чрезвычайно трудолюбивый. — — — Онъ никогда не имѣлъ своего отдѣльнаго стола и обѣдалъ всегда съ братіею на трапезѣ; только въ послѣдніе годы, по крайней слабости, ему стали приносить пищу въ келію, но все-таки отъ общей трапезы. Принуждая всѣхъ монаховъ трудиться, самъ отецъ Дамаскинъ не только не уклонялся отъ равнаго съ ними труда, но всегда первый брался за всякую работу, показывая всѣмъ примѣръ. Такъ, во время покоса, вся братія должна идти съ косами и граблями, и самъ игумень первый начиналъ покосную работу; также неутомимо онъ занимался садоводствомъ, которое особенно любилъ. Его стараніемъ построена новая гостинница, проведена вода изъ озера вверхъ черезъ подземныя трубы, учрежденъ цѣлый корпусъ ремесленниковъ, занимающихся различными искусствами. Монастырь принимаетъ къ себѣ мальчиковъ и выпускаетъ ихъ, обучивши разнымъ ремесламъ, смотря по способностямъ каждаго. Въ настоящее время такихъ учениковъ въ монастырѣ до тридцати человѣкъ, преимущественно изъ чухонъ. Въ особомъ зданіи помѣщаются чернорабочіе, большею частію также чухны. Монастырь принимаетъ ихъ всѣхъ охотно, не смотря на то, что они большею частью лютеране, только съ непремѣннымъ условіемъ не курить табаку. Отецъ Дамаскинъ запрещаетъ братіи заводить съ иновѣрцами, посѣщающими монастырь, суетныя пренія о вѣрѣ, хотя съ радостію принимаетъ того, кто добровольно, по собственному убѣжденію, присоединяется къ православной церкви. Вообще отецъ Дамаскинъ довелъ монастырь до того, что онъ составляетъ такую строгую общину, что подобной едва ли гдѣ можно найти. Всякій поступающій въ монастырь лишается права имѣть какое бы то ни было достояніе, а долженъ получать все нужное изъ общины по распоряженію игумена. Одежда, обувь и бѣлье всѣмъ выдается изъ монастырской кладовой; ѣдятъ всѣ за общимъ столомъ трапезы, а старцамъ отпускается въ келію по четверть фунта чаю и по одному фунту сахара въ мѣсяцъ и по свѣчѣ въ келію на вечеръ. Постриженному монаху дается одна келія, а послушники помѣщаются по два человѣка въ келіи. Всѣ должны повиноваться игумену безпрекословно и кромѣ тѣхъ, кого онъ удостоитъ приглашеніемъ къ совѣту съ нимъ, никто не смѣетъ заявлять предъ нимъ своего мнѣнія; никто не смѣетъ безъ его благословенія ни куда нибудь выйти, ни что нибудь дѣлать. Самовольство, назы-

ваемое на монашескомъ языкѣ «самоchinность», считается тяжелымъ грѣхомъ, какъ равно и всякое бездѣйствіе. Всѣ обязаны, съ благословенія игумена, что нибудь дѣлать, не оставаясь ни полчаса праздно. Въ монастырѣ есть порядочная библіотека, состоящая главнымъ образомъ изъ духовныхъ книгъ, но есть немало и свѣтскихъ, впрочемъ, старыхъ, такъ что даже исторія Соловьева, по своей относительной новості, не оказалась въ библіотекѣ. Всѣ книги дозволено читать не иначе, какъ съ благословенія и по указанію отца игумена. Монастырь выписываетъ газеты и журналы, но этого уже никто не читаетъ, кромѣ игумена и тѣхъ, кому онъ соблаговолитъ дать для прочтенія. Письма, адресованныя монахамъ, проходятъ непременно черезъ руки отца игумена. Купаться монахамъ отнюдь не дозволено, да и для постороннихъ посѣтителей нѣтъ купаленъ; отецъ Дамаскинъ, впрочемъ, въ видахъ соблюденія чистоты, завелъ баню, куда монахи могутъ ходить, но не иначе, какъ съ его благословенія. Все это устройство приведено въ порядокъ еще въ прошломъ вѣкѣ игуменомъ Назаріемъ, постриженникомъ Саровской пустыни; отсюда и взялъ этотъ игумень уставъ для Валаамской обители.

Помѣщенная въ описаніи, подаренномъ мнѣ отцомъ Дамаскиномъ, исторія Валаамской обители заключаетъ много драгоценныхъ фактовъ, важныхъ не только для мѣстнаго быта, но и вообще для хода духовной жизни въ Россіи. Надобно однако замѣтить, что составители ея не слишкомъ критически относились какъ къ письменнымъ, такъ и къ устнымъ источникамъ монастырскаго прошлаго. Такимъ образомъ здѣсь дается полная вѣра какой-то рукописи, называемой *оповѣдью*, тогда какъ извѣстія сообщаемыя изъ этой *оповѣди*, ясно показываютъ, что это сочиненіе наполнено вымыслами и бреднями, подобными тѣмъ, какія встрѣчаются въ нашихъ хронографахъ. Между прочимъ, на основаніи этой *оповѣди* и другихъ легендарныхъ сказаній, дается вѣра тому, что основатели Валаамской обители, святые Сергій и Германъ, устроили монастырь еще до принятія Владимиромъ святого крещенія. Также точно въ книгѣ, подаренной мнѣ отцомъ Дамаскиномъ, не только признается фактически достоверною легенда о шведскомъ королѣ Магнусѣ, но даже съ нѣкоторымъ озлобленіемъ порицаются тѣ, которые осмѣливались, на основаніи несомнѣнныхъ историческихъ данныхъ, отрицать правдивость событія, рассказываемаго въ этой легендѣ.

Во время поздней обѣдни мы сдѣлали на лодкѣ путешествіе по извилистому заливу внутри острова и посѣтили такъ-называемый «Большой Скитъ», гдѣ нашли красивую церковь съ ку-

поломъ византійской архитектуры, каменные келіи, трапезу живущихъ въ скиту монаховъ и садикъ, обдѣлываемый ихъ руками. Мы хотѣли посѣтить еще скитъ Іоанна Предтечи, гдѣ живущіе монахи отличаются особеннымъ постничествомъ и строгостью жизни: они, какъ говорилъ намъ послушникъ—молчальники, давшіе обѣтъ ни съ кѣмъ не говорить ни слова и погруженные въ совершенное уединеніе. Но краткость времени не допустила насъ отправиться туда, потому что въ два часа долженъ былъ придти изъ Сердоболя пароходъ, на которомъ мы предполагали плыть въ обратный путь. Мы воротились въ монастырь и послѣ обѣда отправились на пароходъ. Можно сказать, что о монастырѣ Ваалаамскомъ мы вынесли самое уважительное впечатлѣніе, хотя въ сущности не могли исполнѣ узвать его, такъ какъ для этого потребно было бы время и бесѣды не съ монахами, а съ тѣми рабочими, которыхъ мы видѣли только издали. Мы должны были довольствоваться только тѣмъ, что намъ передавалъ приставленный къ намъ отъ игумена послушникъ. Мимо воли приходило въ голову, что все, сообщаемое намъ, преднамѣренно было окрашено въ такой цвѣтъ, какимъ покрыло его рассказы благословеніе отца игумена.

Къ вечеру въ шесть часовъ, въ тотъ же день, мы обратно прибыли въ Коневецъ и, пользуясь временемъ, начали совершать прогулку по острову, посѣтили одинъ скитъ недалеко отъ монастыря и застали въ немъ въ церкви монаха, который, не обращая вниманія на всѣхъ приходившихъ и уходившихъ, читалъ по своей обязанности синодикъ усопшихъ. Въ этомъ скитѣ, въ особой часовнѣ, мы видѣли деревянный крестъ, изгрызенный зубами благочестивыхъ богомольцевъ; этотъ крестъ приписываютъ святому Арсенію Коневскому и увѣряютъ, что онъ имѣетъ чудотворную силу исцѣлять зубныя боли. Изъ скита мы въ другой разъ посѣтили скалу, называемую «Конь-камень» и здѣсь случайно встрѣтили женщину, изъ которыхъ одна назидательно рассказывала другимъ легенду объ этой скалѣ, но страшно изуродовала ея содержаніе. Она говорила, напримѣръ, что въ настоящее время каждый годъ здѣсь убиваютъ жеребенка для того, чтобы нечистая сила не пугала посѣтителей: безъ этого тутъ былъ бы громъ и разныя страсти; другія женщины слушали съ легковѣріемъ эту дребедень и потомъ боялись идти вверхъ по лѣстницѣ къ часовнѣ, но рассказчица успокоила ихъ, сказавши, что послѣ убіенія жеребенка цѣлый годъ здѣсь безопасно.

Воротившись въ гостиницу, мы попробовали ужина отъ монастырской трапезы, но рѣшительно не могли ничего ѣсть: такъ

плохо было все приготовлено. Мы отправились вдоль по берегу озера къ новой церкви, которую, какъ говорили, собираются освящать въ іюль—и здѣсь услышали такого рода легенду. Во время крымской войны, въ Керчи англичане сожгли одинъ домъ, котораго хозяинъ, находясь въ военной службѣ, былъ убитъ подъ Севастополемъ. Вдова его, лишившись мужа, а потомъ дома, скоро умерла; осталась дочь дѣвица, имѣвшая тогда отъ роду 14 лѣтъ. Эту сироту поразили параличъ въ ногахъ. Она жила Христа-ради у чужихъ людей—и вотъ ей снится, подходитъ къ ней старикъ-монахъ и говорить: иди на Ладожское озеро въ Коневецкій монастырь и у гроба моего отслужи молебенъ Коневецкой Божіей Матери. Дѣвица эта была католическаго исповѣданія и не знала святыхъ православной церкви. Долго не могли ей объяснить русскіе люди, которымъ она рассказывала свое сновидѣніе, наконецъ какой-то священникъ сказалъ ей, что дѣйствительно есть такой святой и больная какимъ-то путемъ добралась въ Петербургъ, а оттуда въ Коневецъ. Какъ только у раки преподобнаго Арсенія она отслужила молебенъ Божіей Матери, тотчасъ почувствовала, что ноги ея стали здоровы. Она отправилась во-свои и вскорѣ ея обстоятельства пошли лучше. Спустя много лѣтъ видитъ она во снѣ опять того же Арсенія, который приказываетъ ей отправиться на Коневецъ и построить церковь на томъ мѣстѣ, гдѣ когда-то Арсеній, по приходѣ своемъ на Коневецъ, поставилъ небольшую деревянную церковь, но по причинѣ болотистаго лѣса избрана была другая мѣстность, та самая, гдѣ и теперь стоитъ монастырь. Особа эта отправилась по назначенію. Церковь была заложена и такъ какъ у самой строительницы не достало капитала, то церковь была достроена на пожертвованія отъ dobroхотныхъ дателей. Мѣсто, гдѣ стоитъ эта только что отстроенная, но еще не освященная церковь, чрезвычайно неудобно: тотчасъ за стѣнами церкви идетъ такое болото, что, какъ говорятъ, можетъ засосать cadaго, кто будетъ имѣть неосторожность ступить туда.

Переночевавши въ Коневцѣ, мы отслушали литургію, а потомъ въ нижней церкви молебенъ Богородицѣ. Во время молебна былъ отворенъ подлинный образъ Коневецкой Божіей Матери, писанный на деревѣ и сильно потертый отъ времени. Онъ постоянно покрытъ окладомъ, который отворяется во время молебна, служимаго для путешественниковъ. Архимандритъ Коневецкаго монастыря такой же старикъ какъ и игуменъ Валаамскаго, и хотя въ Коневецкомъ монастырѣ также установлено общежительство, но архимандритъ не стѣсняетъ братіи и позволяетъ имущимъ на свой счетъ кое-какія удобства въ жизни.

Оставивши Коневецъ послѣ молебна, мы къ семи часамъ вечера воротились въ Петербургъ.

8-го іюля 1877 года, отіравившись въ гости къ одному изъ нашихъ знакомыхъ, А. Л. Боровиковскому на дачу близъ Меррекуля, въ 18-ти верстахъ отъ Нарвы, мы, вмѣстѣ съ нашимъ обязательнымъ хозяиномъ, съѣздили нарочно въ Нарву, которая давно уже занимала мое воображеніе своимъ историческимъ значеніемъ. Прежде всего мы осмотрѣли Иванъ-городъ, построенный въ XV столѣтіи на самой окраинѣ тогдашнихъ владѣній Московскаго Государства. Въ виду этого послѣдняго русскаго пункта, возвышались уже твердыни Нарвы, крайняго укрѣпленнаго города владѣній Ордена Меченосцевъ. До сихъ поръ сохранились огромныя массивныя каменные стѣны, неправильными линіями расположенныя на площади довольно высокаго холма. Эти стѣны по верху окаймлены зубцами и снабжены круглыми башнями съ остроконачными кровлями; башни расположены по угламъ, пересѣкающимъ линіи. Въ одной изъ этихъ башенъ, по направленію къ югу, есть нижняя каменная пристройка, гдѣ, какъ сказываютъ, остались слѣды хода, ведущаго въ подземелье, проведенное будто-бы подъ рѣку Нарову. Замокъ раздѣленъ поперечною стѣною на двѣ неравныя половины, показывающія, что вѣроятно этотъ замокъ строился не въ одно время и что прежде онъ былъ малъ, а потомъ расширенъ. Изъ этого замка въ 1558 году началась перепалка русскихъ съ нѣмцами вслѣдствіе случайной ссоры, за чѣмъ послѣдовало завоеваніе Нарвы, которое повлекло за собою Ливонскую войну, окончившуюся паденіемъ Ливонскаго Ордена. Успѣхи русскаго оружія, какъ извѣстно, были уничтожены побѣдами Стефана Баторія; завоеванія царя Ивана достались польской Рѣчи Посполитой, а въ половинѣ XVII вѣка были отняты у ней шведами и оставались за послѣдними до Сѣверной войны, пока въ началѣ XVIII вѣка не покорены были Россією. Видно что шведы, присоединившіе къ доставшейся имъ отъ поляковъ Ливоніи древнія русскія владѣнія вдоль берега Финскаго залива, заботились о поддержаніи и улучшеніи находившихся тамъ твердынь. Такимъ образомъ Иванъ-городская стѣна была перестроена ими, о чемъ гласитъ сохранившаяся надъ воротами надпись, означающая годъ этой перестройки—1613-й. Въ срединѣ замка, въ болѣе обширной половинѣ его, находится церковь съ двумя остроконачными куполами; въ ней и до сихъ поръ отправляется богослуженіе, но священникъ живетъ въ городѣ Нарвѣ. Сторожъ,

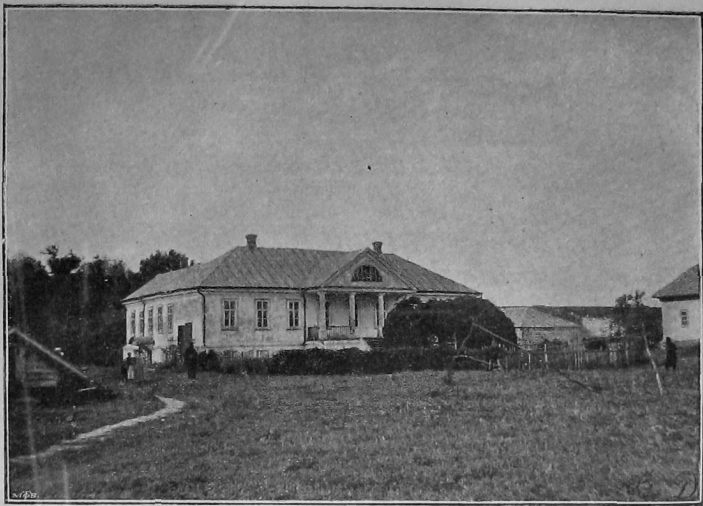
единственное лицо, которое мы увидали въ Иванъ-городѣ кромѣ часовыхъ, не могъ намъ сообщить никакихъ достовѣрныхъ свѣдѣній объ этой церкви, хотя и увѣрялъ, что она построена при царѣ Иванѣ Васильевичѣ Грозномъ. Иконостасъ въ ней новый; немногія иконы въ церкви, судя по письму, принадлежать къ XVI вѣку. Въ ризницѣ мы видѣли кучу старопечатныхъ богослужебныхъ книгъ, выброшенныхъ изъ шкафа за негодностью къ употребленію въ настоящее время: въ числѣ ихъ бросается въ глаза Евангеліе, печатанное при патріархѣ Никонѣ. Ниже главной церкви расположена зимняя церковь въ видѣ пристройки, куда надобно сходить изъ главной церкви по небольшой узенькой лѣстницѣ, ведущей внизъ; впрочемъ въ эту зимнюю церковь есть другой, главный входъ со двора. Вблизи церкви стоитъ зданіе другой маленькой церкви съ круглымъ византійскимъ куполомъ. Сторожеъ говорилъ, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ пріѣзжали какіе-то (какъ онъ выражался) инженеры, забрали оттуда всю утварь и иконы и заперли церковь, объявивши, что ее будутъ починять, но съ тѣхъ поръ никакихъ починокъ тамъ не производилось. Церковь стоитъ запертою и ни для кого непроницаемою. Противъ этихъ церквей, во внутренней сторонѣ вѣшной стѣны, существуютъ еще пещеры съ широкими аркообразными входами; тамъ, какъ говорятъ, были когда-то конюшни, а въ опустѣломъ каменномъ отдѣльномъ строеніи находилась, какъ должно думать, въ старое время «государева зеленая казна» (складъ пороха и огнестрѣльныхъ сварядовъ).

СТИХОТВОРЕНІЯ

ЈЕРЕМІИ ЈАЛКИ

1841—1880.

Домъ въ с. Юрасовкѣ Острогожскаго уѣзда Воронежской губерніи,—мѣсто рожденія Н. И. Костомарова
(4 мая 1817 г.).

Дитинка.

(Изъ народнаго предаиія).

Темнои ночи коло ворить

Хтось стукотить;

Панська служечка вийшла у сини:

Боло порога мизильна дытына

Въ золотимъ кресли сидить.

На тоби, паня, мизильну дытыну:

Пестуй, годуй якъ риденького сына;

Пестуй ёго!

Ты жъ, моя кросю, не плачъ слизеньками,

Пидъ вышиваними спи пелюшками,

Мое дитя!

Будешъ горішками срибними граться,

Золотимъ яблучкомъ перекидаться,

Рости дитя!

Выростешъ, въ золоти будешъ ходити,

Будуть паняночки тебе любити:

Рости дитя!

Билое личенько, каріи очи,

Буде счастливѣ, якъ серденько схоче...

Мое дитя!

Выростешъ, станешъ про ридъ свій пытати:

Де тебе, роде, добути, узяти...

Роду нема!

Ридъ не насиньня—на ниви не зійде,
Слѣзы не дощчикъ—воно не пидійде—

Горе мое!

На неби зирка—ясна зирныця,
То твоя доля—твоя красовыця,

Доля твоя!

На неби доля, то вирна дружина,
На свити люде—свить цилый родына,
Свить не малый!

Зозуля.

Не сходило ясне сонечко;
Щось стукало у виконечко,
Виконечно одчинялося,
Я, молода, дивовалася,
Я, молода, якъ ягода:
Приликала дрибна пташечка;
Чи то пташка щебетушечка,
Чи козаченькова душенька?
Ой устану я ранесенько,
Та умьюся билесенько,
Пиду въ поле зелененькое:
Въ поли сонъ-траву я рватиму,
Своей доленьки пытатиму.
Не цвити сонъ-зильля ярое,
Несчастливое, бездольное,
Надъ коханочкомъ милесенькимъ,
Козаченькомъ молодесенькимъ.
Его рученьки край крученьки,
А ниженьки край дороженьки,
Пискомъ оченьки засыпани,
У головоньвахъ сонъ-зильлячко!
Ой не стане дня-годиньки,
Ни часочка, ни часиньки,
Тильки стане мого горечка,
Тебе зъ степу выглядючи,

До родыны закликаючи.
Не сидила край виконечка,
У неділю до схиць—сонечка,
Не сидила ночі темної,
Не палила свичи теплов!...
Оглядала изъ тополеньки,
Та изъ самої вершиночки;
Куку! куку! мій милесенькій,
Куку! куку! молодесенькій.
Черезъ три гори високіи,
Черезъ три степи широкіи,
Черезъ три ріки глибокіи;
Загрили ріки быстрыи,
Загудило поле чистее,—
Йде, йде, мій милесенькій,
Йде, йде мій вирнесенькій!
Собирайтесь, дрибни пташечки,
Вы мої весильни дружечки,
Не кохатиму дружиночку,
Не качатиму дитиночку:
Хай въ чужихъ воно кохається,
Свого роду одцурається, —
Розвивайся, сухе дерево...
Куку! куку! Мати—въ темный гай!
До милого на тихій Дунай.

Еврейська Співанка *).

(Зъ Байрона).

Жнива вбрали; смутно въ поли;
Пожовтили вже лиски;
И збираються по воли
Въ Ирїй литьніи пташки.

Ой чому я не вродився
Птахомъ быстрымъ та швидкимъ:
Полетивъ бы, опинився
Въ браи риднимъ, дидивськимъ.

Полетивъ бы, окомъ звивъ бы
На замулений Кедронъ,
И головку прихиливъ бы
На покинутый Сіонъ.

Хочъ населень ворогами
Край для мене доси свій;
Все до тебе думоньками
Рвусь, Сіоне мій святий!

*) Списана съ рукописи автора, хранящейся у А. А. Корсунова и обязательно имъ доставлена. (Изд.).

И далеко, на чужини,
Объ тоби гадать я звыкъ,
Привитать хочъ на годину
Зъ мене буде на весь викъ.

Той не дурно въ свити шлявся,
Хто на тій земли побувъ,
Де Господь намъ показався,
Де Господь насъ позабувъ.

Яворъ, Тополя и Береза.

(Изъ народнаго преданія).

Оженила мати одиначка сына,
Узяла невестку дивку сиротину,
Взяла и не рада—вовкомъ вовкуе,
По всякъ часъ бидну сиритку катве,
Шлетъ на поругу по-воду босу,
Нездягнуту, простоволосу.
Сиритка плаче, по пенькахъ ступае,
На своихъ ниженькахъ кровъ зобачае.
Прійде до дому—лае кативка,
Часомъ ухопить за косу сиритку,
Часомъ по личку їи затинае.
Сиритка плаче, до Бога взыває:
— Боже мій милый, Боже милостивый,
— На шчо ты держишъ въ свити несчасливу? —
Хотила мати на-викъ розлучити,
Дала сынашу меду-вина пити,
Его дружини отруты вложила.
Каже сыночокъ:—выпьемъ, мила!
— Выпьемъ, серце, по едній чарци,
— Будемъ лежати у едній ямци! —
Выпила мила, выпивъ миленькій,
Бере дружину,—тулить къ серденьку.
Пійшли обое въ широке поле,

Въ зелени луки, въ чисте болонье.
Та вже сиритка очи закривае,
Миленькій мліе, слово промовляє:
— Яснее сонце, небо високе,
— Земля широка, море глибоке!
— Хай наша доля у васъ зостане,
— Хай після смерти коханья не зване!
— Хай по всімъ свити идуть про насъ висти,
— Хай після смерти кохаємось вмисти!—
Ставъ молоденькій—зелений явирь,
Стала дружина—тополя била!
Стали ихъ ниженьки—чорни кориньячки,
Стали ихъ рученьки—довгіи гильячки,
Все ихъ одинья,—зелене листья;
Оченьки, бривоньки кора покрыва,
Кривця горячая похолодила.
Одного зросту, листу одного,
Зхожи два дерева—одно въ другого!
Явирь вершечокъ къ тополи схиляє,
Наче зъ дружиною ричь повожає.
Выйшла матуся—древа зоглядала...
Туга велика на серце їй впала.
Плакала гирько, таяла, вяла,
На злее серце свое нарикала.
Почувъ Предвичный—зминылась мати:
Стала їй коронька тило вкривати,
Стала матуся—береза била,
Понури гілья, сумна, журлива,
Все наче ные, усе жаліе:
То обь диткахъ вона все боліе!

Вѣрба.

(Писня Дездемоны).

Ой вѣрбице зеленая,
Вѣрбонько моя!
Пидъ вѣрбою зеленою
Дивочка сидила,
И бидную головоньку
Доли похилила.
Ой вѣрбице зеленая,
Вѣрбонько моя!
И на груди положила
Били рученята,
И слизами заплакали
Кари оченята.
Ой вѣрбице зеленая,
Вѣрбонько моя!
И на билое каминья
Слизоньки падали,
И холодне каминьячко
Слѣзы пробивали.
Ой вѣрбице зеленая,
Вѣрбонько моя!
Війте винки, дивчатовьки,
Збирайтесь въ таночокъ;
Мени буде зъ зеленои
Вѣрбоньки виночокъ!

Зори.

Вийду ничью въ чисте поле—гробы бованіють,
Погляну я въ чисте небо: тамъ зори зоріють.
Ясни зори, красни зори, люби зори, мили!
Буду на васъ поглядати, стоя на могили.
Ривнымъ рухомъ, живымъ духомъ на синимъ простори,
Огнемъ грають, свитомъ сяють неодминни зори!
Плинуть зори безъ упину вичными шляхами;
Не намъ, не намъ, дитямъ праха, любоватьця вами!
Насъ неволя, наша доля, на свить породила,
Подражнила свободою, тай не вдоволнила;
Дала розумъ пизнавати, шчо мы дурни зъ роду,
Дала серце нарикати на власну природу,
Обищала счастья-долю, а горе послала,
Пидманила надією, а гробъ даровала!
Зори свитять, якъ свитыли, и будуть свитити,
А мы на ихъ подывывшись, ляжемъ въ землю тлити.
Дражнить вичность чоловіка зъ темній высокости,
А могила ожидае ёго трухли кости!
Душа рветьця все до неба—непривитне небо:
Непривитне, безотвитне—насъ ёму не треба!

Наталя.

(Изъ народнаго преданія *).

Не осиння буря оре
Ковбачами сине море;
Трохъ народивъ страшна сила
Въ Крымъ по морю навалила.
Идутъ чутки лиховистни;
Лисъ гармать, ручныць подвижный
Руське царство высылае,
Полкъ за полкомъ поспишае,
Зъ Дону, зъ Волги, зъ Московщины,
Изъ Уралу, зъ Украины...
И на бенкетъ той кровавый
Поспиша Ивась чорнявый.
Ой и де винъ опиньця,
Ой и шчо зъ имъ зостринетця?
Альма зъ славнымъ Инкерманомъ,
Севастополь зъ твердымъ станомъ...
Дома жъ любка, дома крала,
Заручена Наталя.

*) Нѣмецкое преданіе, о которомъ народная пѣсня внушила Бюргеру мысль написать свою „Ленору“, существуетъ и у насъ. Стихи, напечатанные курсивомъ, взяты изъ народной пѣсни. Я отнесъ это преданіе къ самому свѣдѣнію историческому событію—осадѣ Севастополя англичанами и французами.

Асторъ.

Чиста дивочая душа;
Вона впова на небеса,
И молитва шчира:
У ій дитяча вира.
Твердыть Наталя: Благъ Госпидь,
Храныть убогихъ и сирить:
Повернетца миленькій,
Живый и здоровенькій.

Промчався риеъ: одъ молодця
Нема листочка, и дивця
Одъ горя зъ личка спало:
— *Пропало, все пропало!*
— *Не чувъ молитвъ дивочихъ Бигъ:*
Чорнявый певне десь полигъ
У поли коло моря:
Натали тяжке горе!

Втика людей, всякъ часъ сама;
Нема розваги ей, нема:
Нема и не настане...
Серденько марно звяне.
Противный ставъ ій билый свить
И ридной симби привить:
Все плаче та ридаеть,
На Бога нарикаетъ!

Дурно матияка Наталю
Розважала, вговоряла:
„Донько моя! *схаменися!*
„Богу, донько, *покорися!*
„Терпи, сердце, *тую долю,*
„Яку дастъ *небесна воля;*
„Бо хто *терпитъ* — *буде въ раю,*
„А *упартыхъ Богъ караетъ!*“
— Хай *карае* якъ *Винъ знае:*

— Гирше вже не покарає.
— Мени вь раю вична мука
— И зь милесенькимъ розлука.
— Мени рай—зъ миленькимъ жити,
— Хочъ бы й муки зь нимъ дилити! —
„Донько, донько, стаменяся!
„Богу щире помолися!“
— Шчо молитва! Мамо, мамо!
— Богъ смієтця надъ слёзами! —
Такъ безумная Наталя
Дурне слово промовляла!

Уже вечерной зари
Погасло свитло—зъ за гори
Вставъ мисяць повновидый:
Всимъ часъ прійшовъ спочити!
Не спыть Наталочка одна,
Сидыть небога у викна:
Скризь гилья мисяць свите:
Ось по шляху шчось йиде!

Земля гудыть и стугоныть,
Витрець по листьяхъ шелестыть;
Хтось фде—поспишає,
До двѡра привертає.
Наталя слуха—клямка брязъ!
Ввійшло вь свитлицю... Хтожъ? Івась!
Одъ радости Наталя
Ажъ трохи не упала!

„Немає часу—не пытай!..
„На шлюбъ зо мною поспишай,
„Не буде намъ розлуки!“
Выходять—давъ їй руку:
Рука холодна та важка,
Тамъ кинь стоить у рундука:

Чорнишый винъ одъ ночи,
Огнемъ палають очи!

Милый милу обіймае,
На сиделечко сажаетъ,
Кинь изъ мисця, кинь зъ ворить,
Кинь стрибаетъ, кинь летыть...
Зверху чорный воронъ вьетца,
Вихремъ кинь баскій несетца,
Скокомъ-скикъ черезъ балки,
Черезъ реки и байраки.
Копытами тупъ, тупъ, тупъ!
Воронъ кричитъ: трупъ, трупъ, трупъ!
Милый писеньку спиваетъ,
Наталочку розважае.

„Мисяць свитыть ясно, ясно,

„Мертвый йиде страшно, страшно,

„Чи не боисися ты, дивочко,

„Наталочко коханочко?“

— Чою жъ мими боятыся,

— Шчо я пду винчатыся? —

Винчатыся справди їдемъ мы,
Тамъ ризныхъ матерей сыны,
Зійшлись весильни гости:
Постукують ихъ кости!
Якихъ не буде въ насъ боярь...
Москаликъ, грекъ, арабъ, болгаръ,
Французъ и агличанинъ,
И турчинъ, и татаринъ!

„Гей, коню, гей, не отставай!

„Гей, коню-коню! поспивай!

„Вже пивничъ настае—

„Ось пивень заспиваетъ...

„Шче триста верстъ“... и кинь летыть...

„Швидчишъ, быстришъ“... земля дрижить,

Изъ боку лись меріе;
Ось у лису щось вые...

„Хто вые тамъ? Я знаю васъ!
„Не кваптесь—ни! не въ добрый часъ!
„Не буде вамъ похмилля
„Изъ нашого весилля.
„Другихъ, голиннихъ, позову,
„Дидивъ чубатыхъ назову,
„А вы собі лежите,
„Та солонци глизите!“

„Мисяць свите ясно, ясно,
„Мертвый пде страшно, страшно!
„Чи не боишься ты, дивочко,
„Наталочко, коханочко?“

— Чого жъ мині бояться,
— Шчо я йиду винчатися?—
Зверху чорный воронъ вьетця,
Вихремъ кинь баскій несетця,
Копытами топъ! топъ! топъ!
Воронъ кряче: гробъ! гробъ! гробъ!
Тамъ у право залелило;
То Днипровськи ясни хвили,
Тамъ Хортиця—мисце гоже,
Мисце славне, Запороже!
Тамъ козацьки души ввьютця...
И въ проминняхъ мисяченька
Кохаютьця козаченьки!
„Чуйте, чуйте! кряче крукъ!
„Поздравляйте! йиде внукъ!
„Здоровъ внуче въ риднимъ поли,
„Ты поливъ въ Севастополи:
„Слава тобі! Слава всімъ,
„Слава внукамъ одъ дидивъ!“

„Степовики и муляри,
„Сичовики богатыри,
„Привитъ вамъ, честь и слава,
„Дидамъ одъ внукивъ слава!
„Летитъ, летитъ за мною вслідъ,
„Весилный буде вамъ обидъ;
„До внука веселития:
„Бо пде внука женития!“

Гай, гай, чи все-жъ вы шче таки,
Яки були—степовики?
Онъ справди и могила
Вась шче не выпрямила!
Чи шче лякаетесь жиновъ?
Не всяка жинка сирый вовкъ.
Ну-жъ, ну-жъ, швидчишъ за мною
Почтивою гурьбою!
Гей, коню, швидче—гопъ, гопъ, гопъ!
А отъ и славный Перекопъ!
Синіе Чорне море:
Отъ скоро, сердце, скоро!
Отъ Альма кровью пиддилась:
А тамъ въ руинахъ простяглась
Кривавая водополь—
То славный Севастополь!

Ой ставъ мисяць примеркати,
Ставъ кинь чорный пристаати.
„Не бійсь, не бійсь, Наталочко,
„Дивчинько, коханочко!
„Чого тобі боятися,
„Шчо ты йдеши винчатися?
„Ты моя теперъ до вику!“
Крикнувъ пивень—кукуруку!
Гулькь! изникло все... И стало
Якъ ничего не бувало!

Передъ нею у могили
Лежить милый почорнѣлый,
Коло ёго трупы й кости,
То ёго весильни гости:
На Наталю позирають,
До Натали промовляють:
А шчо, а шчо, Наталочко!
А шчо, а шчо, коханочко?
Чого тобі бояться?
Пріихала винчатися!

1855.

Въ 1857 году стихотвореніе это было передѣлано авторомъ въ намѣреніи издать съ другими стихами, потому что Севастополь оказался здѣсь не совсѣмъ у мѣста, но передѣлка нигдѣ не отыскана. (Изд).

Въ осени-лито.

Була мого вику въ маѣ ты моя зозуля;
Где взялася шуря-буря, холодомъ подула!
Насъ погнала, розигнала, — я одинъ zostався;
Пройшло лито, тогда зновъ я съ тобою спиткався.
Либонъ лито повернулось: ты моя дружина —
Та не та вже молодая весняна пташина!
Свитыть сонце, мало гріє, лито не гаряче,
Часомъ дощъ холодный крапле, по давнини плаче.
Не розцвите мое серце, бо воно розбито!
То не лито настояще, то въ осени-лито!

30 авг. 1880 г.

УКРАИНСКІЯ СЦЕНЫ

изъ 1649 года.

СЦЕНА 1-я.

Кіевъ. Передъ Софійскимъ соборомъ. Звонъ по церквамъ. Зима. Козаки проходятъ въ разрушенныя Золотыя ворота. Народъ встрѣчаетъ ихъ.

БУРСАКИ ИЗЪ АКАДЕМІИ (*поютъ*):

Te, Moysen salvatorem
Canamus!
Russiae, Liberatorem
Celebamus!

ДѢТИ ИЗЪ ШКОЛЫ (*поютъ*):

Честъ Богу, слава!
На вики хвала
Війську Дніпровому,
Що зъ божой ласки
Загнали ляшки
Къ порту Вислянному!
А ридъ проклятый
Жидивській, — стятый —
Чиста Украина!
А вира святая,
Криномъ процвітає —
Исчезла Унія!

Хмельницькій.

Честь Богу, слава Богу, миліи браття! Після многихъ виковъ недоли и кары, поглянувъ на насъ Милосердый зъ своего нап-
вышого ерону, не давъ дорешты имъяни нашому загинути! О,
колибъ-то милость Его була до виву, а не на годину, не для
того, щобъ горе наше стародавне стало гирише після недовгои
потуги! О, браття! браття! Чи вже така бидна доля присужена
видъ Пана-Бога нашій України, що и въ часъ побидъ, коли зъ
добрымъ skutкомъ завершивши тяжкую працю высвобоженни
церкви и народу руського зъ неволи лядської египетської, зви-
тяжное війско наше уступаєть у градъ сей великій, — навить
и у сей часъ туга замість радости мусить серця наши обважати.
(Оборачивается къ козакамъ). Чиє серце не обважиться скрухою,
помышляючи о судьби града сего, колись славна и горда столиця
вольного и самостоянного народу руського, предкивъ нашихъ,
градъ повный злата и срибра и каменіи честныхъ, — теперъ бидна
руина, могила перешлои славы! Чиі очи не обильютця слизми,
дывлючись на красоту храмовъ Божіихъ, на землю ниспровер-
женную? А особливе на храмъ сей, де сидали на столи старо-
свитські князи наши, де лежать, забутіи потомками сиритські
кости ихъ, — на плацъ сей, де збиралось стародавне вече, де
руськіи люде ствержали уставы своеи воли. Куды ни погля-
немо — усюды зобачимо пыломъ припалии слиды славы и свободы
предкивської и недавній слиды недоли, поруги и неволи нашої!
О земле, земле руськая! Довго стогнала ты посіяна костями и
руинами, полита слизами и кровію дитей твоихъ! Чи не кон-
читься жъ ся довга ничъ твого запустинья? Чи не взійде те-
перъ надъ тобою щироясная заря вызволу? Помолимось, братія,
единымъ сердцемъ и едиными усты Всещедрому Богу, да сотво-
рить пам'ятень для потомкивъ нашихъ и богатъ плодами счастья
и обнови Руси день сей, день нашего приходу у стольный,
старый нашъ Кієвъ!

СЦЕНА 2-я.

Входят: Хмельницкій, Выговскій, Немирачъ; полковники: Вешнякъ, Чорнота, Джеджала, Адамовичъ и другіе; Кисель; и племянникъ его ксендзъ Лентовскій, Мястовскій, Позовскій и прочіе поляки.

Хмельницкій.

Будьте гостями милыми та любыми, шановни панове, просимо найнише бидну мою хатыну навидыти и хлибомъ-силлю непобрезгувати. Що Богъ намъ давъ, полагаемо одъ чистого сердца. А що було, то нехай не вертається: озьмемо прикладъ зъ симы: де ворогъ чоловіческого рятунку розгнитить огонь ворожды, и браты спираються, сварються, а иноди й подеруться мижъ собою, а на потимъ помирються, заидать та запьють свою свару и знову вкуди братами живутъ. А що добро, що красно, аще не жити брати вкупи! Такъ и мы вчинимо. Наша свара—домова; ласкавий король пробачить намъ выступки наши, дасть намъ охрании привилен,—а жинка наварить борщу, та поставитъ горилки на стиль,—такъ мы займо й запьемъ усю першу колотню, тай житимемо щирыми пріятелями. Знаете, панове вельможни, у насъ здавну есть такий обычай, що коли мирються пійсля колотни, то жинка наварить стравы и тою стравою заидаютъ лихо, та бильшь уже не поминають старого, якъ добре говорятъ москали, шо кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ. Отсе, прохаючи вашихъ милостей на обидъ, я заказавъ, щобъ не наймычка и не стряпка готовила страву, а жинка моя сама своими руками. Такъ вельмо поважаю я вашихъ милостей, бо вы есть вистники намъ ласки короля нашего.

Кисель.

In principium подобае вашей милости, пане гетьмане Війска его королевской милости Запорожського, урожоный, значный пане Богдане сполне зо всимъ Війскомъ его милости Запорожськимъ *gratiam agere* найвысшему маестату Божому, же *conservit vos* въ нерозирваному союзи съ Речью Посполитою *terra libertatis*, де латво було вамъ домовитися що въ васъ болило, де вольность процвитае, якъ не можно того нализти нигды ни въ хрестьянствѣ, ни въ поганьствѣ,—бо всюды неволя, сама только Корона Польска вольностию слыне. Въ едвий Корони

Польскій ваша милость моглась одъ найяснійшого короля его милости такую *consuetudinem* одибрати.

Джеджала.

Та король якъ король,—але вы, королевенята, бронтє много и наброили. А ты, Киселю, хочъ не хвали своєю Польщи, бо то не годиться. Мы знаємо, що ты еси кисть одъ костей нашихъ; а теперъ одщепився и приставъ до ляхивъ.

Мястковскій.

Пане полковнику запорожскій! Шануючи вашу милость повиннисьмо занотовати вашей милости, що ричъ его милости воеводы не до пана полковника, а до пана гетьмана належить.

Кисель.

Ваша милость, ясневельможный пане гетьмане, знаєшь, що я естемъ твоїй милости зъ давнихъ лѣтъ найширшій *amicus*. Я того доказавъ. Сынъ—въ справи отцевскій, *servus fidelis* въ панскій такъ щире *non possit* ходити, якомъ я ходивъ у тій нещасливій колотни Війська Запорозького зъ Речью Посполитою; якъ я *diebus et noctibus* правдиве працюючи абы *illam iridem* новаго життя *in coelum patriae evocare* проводивъ—у тимъ Бога найвышого *testem facio*, а що я *pativі* въ тей традиціи, не тильки въ Польщи, але въ чужихъ краяхъ, то тимъ єдине утишались, же все то для интересу отчизны и виры нашон православної передсявзято, которую виру купно зо мною ваша милость приймаєшь и для *prosperitatem* Війська Запорозького, на той конецъ жебы не прийшло *in postremum exitium*. Любо тожъ мене *omnes* опочно щєцовали, а я *cum gaudiis* зъ Варшавы выихалемъ и тыхъ ихъ милостей пановъ, которыхъ мени коллегами дали, зъ собою маючи, до вашои милости поспішалисьмо, приносячи пробаченьне прешлыхъ выступковъ вашои милости, *libertatem videris religionis* грецької, аукцію реестроваго війська *restauracionem* давнихъ правъ и свободъ запорожськихъ и вашей милости дозоръ и обмышлеванье зъ належачими *signis* туркусовою булавою и червоною хорогвою зъ написомъ *Johanni Casimiri Regis nominis*. Приймаючи таки велики упоминки одъ его милости короля, пана своего, *aequum est*, пане гетьмане, жебы вдячнымъ *pagere*, зъ татарами *foederem nefandum* розервати, хло-

повъ одъ розляння крови утримовати, не приймуючи тыхъ col-luvies, котори понинѣ perfidissime sanguinem nobilem прагнуть подъ свою protectionem, але розказуючи имъ послушенство панамъ и на горло караючи ребеellantовъ, ad arandum me vulgum insanem reddere, нарешти до комисіи зъ нами, комисарами его милости Речи Посполитой celerissime приступити.

Джеджала.

Се, пане Киселю, що вы поприносили зъ собою от-си клейноты, булаву та червону корогву, та грамоту,—то се все—выбачайте на симъ слови—цацьки, а бильшьничого. Мы не диты и не дурни, и тямимо добре, що вы хочете насъ приборкати, щобъ мы ярмо панське зъ себе зкинувши, та впьять надили на шію. Нехай злизнуть ваши солодкіи дары: шаблю росправимось, а коли щире хочете мира, то майте вы соби свою Польщу, а намъ козакамъ Украина нехай зостається.

Хмельницкій.

Пане полковнику! Пане полковнику! Чи вы пошалили сегодни, панове, що напередъ старшого суетесь та у мене одвить зъ головы выбиваете? За таку великую ласку, що мени его милость найяснійшій король оказавъ, и урядъ надъ вѣйськомъ давъ, и прошле преступство мое пробачивъ—за те дьякую найниже. А що до комисіи, то вона заразъ зачатися и отправоватися не може, вѣйска въ загаеню не мае, паны старшина далеко, а безъ намовы зъ ними я не мушу и не смію ничого учинити.—Тай на що у сей веселый и любезный для мене часъ объ тимъ рахувати? Усе добре буде. У насъ зъ старовины такъ водилось, що гостя спершу нагодують, а потимъ вже роспытують: видкиль винъ и по що прибувъ. Выбачайте пане комисары, коли не до ладу. Сидайте та выпьемъ по чарци. Ганно! почасть лишенъ зъ своихъ билыхъ рукъ дорогихъ гостей горилкою, якъ звичайно добрый господыни подобае! (*Ганна обноситъ гостей водкою; она подчиваетъ изъ золотыхъ чашъ; за нею Настя съ большою бутыллю*).

Хмельницкій.

Выбачайте, панове, — чимъ багати — тимъ ради. Мы люди прости и не дуже вховани: пьемъ горилку просту сивуху, а зъ кубкиъ золотыхъ, бо то намъ дае шабля, якъ правдивымъ

воинамъ належить. Та у насъ есть-таки й венгерськи и нимецьки вина; давно мы сѣго не знали, а якъ Богъ ставъ особливе благословляти наше оружїе, то мы и ґрунтовнїйше и баґачче почали жити. Просимо панивъ за стиль (*Садятся*). Я разомъ радый и нерадый, що отримавъ такую честь, що ваши милости не побрезгували увійти у мою козацьку хатину и моеи хлиба-соли покуштовати. Радый я тимъ, що одъ вашихъ милостей такую прихильность бачу, а нерадый тымъ, що мы, по своїй простоти, не умімо вашихъ милостей належите прийати. Сами бачите, якъ у насъ все просто, по хлопськи. Дяка Богу що поборовъ за нами на пилявецькихъ поляхъ, де панове ляхи въ страху порозгубили дорогїи креденсы та кубки, та ложки срібни й золоти, а тобъ прїйшлося такихъ шановныхъ дорогихъ гостей зъ дерева частувати. Нехай же наша щира прїязнь допевняе нашу простоту.

Молодой Кисель.

Добрый антипасть!

Кисель.

Ваша милость, ясневельможный пане гетьмане, рачивъ бы доповнити ту простоту, на котору ся такъ ускаржаешъ, щиримъ напередъ послушеньствомъ Речи Посполитой, вирнымъ захованьемъ въ повинности своїй, отдаючи запомнѣню якъ було передъ тымъ взаємни долегливости.

Хмельницкій.

Истино такъ, пане воеводо. Давайте жъ намъ на стиль, жинкї, все що припасли. (*Подаютъ кушанье*).

Ксендзъ Лентовскій.

Шануючи вашу милость, ясневельможный пане гетьмане и всихъ васъ, панове старшина козацкая, повиненъ я на quid quam одважитися, якъ смиренный служитель олтаря Божого. Хоча веходня гречеська вира и не належить до единой святой Апостольской церкви, однакъ мы згодимся зъ вами in dogmatibus, але завше повиннисьмо оддалитися отъ богомерзкихъ еретикивъ, апостативъ, наслидовцовъ проклятого Арія. Мабуть добре ненавидите вы насъ, козаки, що навить побратимство тримаєте зъ ворогами нашої и вашой церкви. Чи знаете вы, кого до себе приняли in personae Юрія Немирича, которого зъ великою скру-

хою вижу передь собою. Сей зополный зрадникъ виры и костѣла и отчизны, кривоприсяжникъ, розсиваньемъ насиння душевредного на ниви Христовій наволокъ на себе праведный судъ костѣла, который присудивъ его, якъ члена зловонного и прокаженного, одикты, для спасенія вирныхъ, а винъ якъ зрадникъ утикъ и приставъ до васъ. Вы жахнетесь, козаки, коли я скажу вамъ у чимъ ёго преступство. (*Всѣ слушаютъ съ изумленіемъ. Немиричъ потуляетъ глаза*).

Хмельницкій.

Коли ёго выступокъ костельный, то до насъ не належить, бо мы не духовного чину люди, и не часъ и не мисто намъ объ тымъ теперче диспутовати: бо ваша милость не судьею до насъ прибувъ еси.

Лентовскій.

Не судьею, але обличителемъ. Немиричъ! Передь шановною громадою козацкою я кажу, що ты *hereticus, apostata*, наслідовець Арія проклятого. Я читалемъ твою *libellam*, де ты написалесь, що бильшъ *et clarior* Бога познаешъ *in natura quam in libris sanctorum patrum*; що Ісусъ Христосъ страждавъ за свою *doctrinam*, а не якъ *victima irae coelestis*, тимъ же *Spirito veritatis* надхнутый, который и *sapientiae humanae causa erat*, и же для спасенія чоловіка, не *sunt necessitate* обрядки и церемоніи костѣла святого. Тебе присудили спалити, а ты утиклесь и присталесь до козакивъ, розносячи всюду *venenum foetidum heresiae*. Каждый правовирный христіанинъ повиненъ зъ тобою *non edere, non dignus es* головы своей пиднести *coelum ac solem videre; non debet* земля кости твои *accipere; pulver tuus* буде *in potentiae infernalis*, имя твое — поношеніе *hominibus* и *genus*, коли *fuerit semen diaboli* буде *per saecula saeculorum*. Кажы, при панахъ козакахъ, вѣруешъ у Святую Тройцю?

Немиричъ.

Не тобі, пане ксѣндже, мене пытати, не мени тобі одвить давати, але скажу тобі ради козакивъ, бративъ своихъ.

Джеджала.

Се, пане Немиричу, вилами писано, якій ты братъ козакамъ; намъ здаеця, що ты ближчий братъ сему ксєндзови, що такъ на тебе озвирився.

Немиричъ.

Коли, панове, я не вартъ того, щобъ называтись вашимъ братомъ, то все таки я вашъ слуга. Бо здаеця я бувъ пидъ Львовомъ и пидъ Замосьцемъ, и може хочъ за сю перевязану руку дасте вы мени и заборонитись и наречитись вашимъ слугою.

Молодой Кисель.

Зъ пана— слугою! O tempora, o mores! O perfidia!

Немиричъ.

А Панъ Исусъ Христосъ не зробився хiba слугою усимъ? Панове ксєндзы добре знаютъ святе письмо и на кожый случай приведуть textum, а одъ того пильно уникають, що ихъ милостямъ очи вида. Ты пытаешъ, пане Лєнтовскій, чи вирую я у Святую Троицю? Вирую, та ще хочу щобъ и на земли була imago тей Троици у трохъ видахъ: першій видъ тей imaginis — то правда,—и вы сєго не пріймаєте, бо завше говорите неправду и sensum verborum Христа перевертуєте за для вашои корысти, ошукуючи несмыслєнны люди; другій видъ тей imaginis — то братолюбіє,—и вы сєго не пріймаєте, бо клянете и гоните бративъ вашихъ и направляєте брата на брата, народъ на народъ, землю на землю; третій видъ тей imaginis — то разумна воля—и вы сєго не пріймаєте, бо втисняєте слабыхъ и кланяєтесь сильнїйшимъ одъ васъ, и другихъ тому навчаєте. А козаки—те знаютъ и те пріймуютъ, бо встали за правду, за братство и за свободу, и теперъ ради зъ вами, якъ вольными зъ вольными и ривными зъ ривными, побрататися,—а вы не хочете!

Хмельницкій.

Що панъ Немиричъ сказавъ, то все те справедливо. Коли ваша святая инквизиція знайшовши у єго книжки, которой мы не читали, щось геретыцке, присудила єго спалити живцемъ, а винъ того уникаючи до нашої восточнои виры утикъ, то такєе выбавєнне Божои воли приписати маємо. У нашій святїй восточнїй церкви николи не було й не буде инквизиції, мы никого

не палимо, а хто, по немощи розума, зблудить зъ правого пути, того мы видсылаемо до пастыринъ нашихъ честныхъ, сами, по простоти свой, у те не уступаючи. А вашу милость, пане ксѣндже, повторне и найниже прошу—тую розмову перервати, бо и мини и всимъ намъ вона не подобна.

Лентовскій.

Еднакъ, ясновельможный пане гетьмане, розважъ, ваша милость, чи подобно слухати богопротивниі речи мени, который естемъ *membrum Ecclesiae*...

Хмельницкій.

Пане ксѣндже! Я тутъ господарь. У треттє и останне кажу вашій милости мовчати!

Вешнякъ.

Мовчи, попе! Твое то дило намъ те задавати. Ижъ пиригъ зъ грибами, а языкъ держи за зубами, а то—ходи-но, попе, на двирь—тамъ я тебе поучу запорожськихъ полковниківъ шанувати!

Хмельницкій.

Тихо! Полковнику!

Выговскій.

Пане полковнику! Ты всю нашу справу нивечишь.

Вешнякъ.

А що винъ убравсь сюды, якъ свиня у двирь, та ще й носомъ рые!

Лентовскій.

Правый Боже! Будь нашимъ свидкомъ! Чи сежъ на новыи кривды и инжюрьи мы до васъ прїихали, козаки? Чи сежъ намъ *гескомпенсум* за те, що мы отримали стильки праць и несчасття, поки прибулы до вашои милости, абы принести вашои милости пробаченне и ласку одъ короля, пана вашого?

Хмельницькій.

Пане ксѣндже! Вашій милости не подобало починати тія зашипки. Ваша милость знаєшъ, що народъ у насъ простый, звичаєвъ лагодныхъ не знає, а ваша милость—чоловникъ учений и розсудный: на щожъ чепляти простоту и нализати на свару. Пане полковнику! За кривду, що учинивъ еси панови ксѣндзови, повиненъ еси пробачення прохати, або виходити заразъ зъ хаты.

Вешнякъ.

Прохати пробачення у ксѣндза! Та запорожський козаць не погне спины навить и передъ самимъ метрополитою. Я пійду лучше зъ хаты. А ты, вражий ксѣндзь, не хочешъ йти зо мною? Я бѣ тобі давъ тамъ доброго прочухана! (*Уходить*).

Хмельницькій.

Теперь, покуштуємо вина от-сѣго, що мени приславъ его милость Ракоци, мій щирый пріятель. Гарне вино, столитне. Жинко! Піднось панамъ. (*Ганна подносить вино*). Выпьемъ першій кубокъ на здоровье нашому найяснійшому королеви, панови нашому милостивому!

Бисель.

Нехай панує згода и миръ межъ Русью и Речью Посполитою! За циле Его королѣваньне, и нехай далекіи потомки со слизами радости читають въ гисторіи про день сей—початокъ трвалого покоя и счастья обоихъ людивъ!

Молодой Бисель.

Якъ то мило, якъ то любе пити за здоровье свого пана въ доми у того, зъ кимъ постановляється миръ, а звлаща зъ рукъ гарной господини.

Хмельницькій.

Дякую за похвальбу мойй жинци, вашей милости. Истинно, вона для мене великій скарбъ на свити.

Лентовскій.

И добрый малжонокъ для жоны тежъ найвысшій скарбъ на свити. Пани Хмельницька тымъ найбарзій щаслива, що у пріязни

малженський зъ вашею милостію знайде одраду одъ недавнього горя, що їи милость постигло.

Хмельницькій (сѣ удерживаемымъ интвонмъ).

Про якее недавне горе ваша милость говоришь?

Лентовскій.

Про несчастливу смерть отца їи милости, старого пана Зде-шанського, которого окропно замордовали козаки въ Барѣ, коли вінъ не зхотівъ прийняти всходвей виры, *fidelis filius matris suae verae Ecclesiae Romanae.* (Ганна роняетъ подносъ сѣ кубкомъ и закрываетъ глаза руками. Всѣ оборачиваются. Немиричъ подбѣгаетъ къ Ганнѣ и говоритъ ей что-то, а потомъ уводитъ ее).

Хмельницькій.

Не турбуйтеся, ясновельможніи панове комисары: моя жінка —баба. Будемо пити!

Кисель.

Жалко, ще панъ ксєндзь при своїй эрудициі, не видає *leges hospitalitatis*.

Позовскій (тихо ксєндзу).

Немиричъ приємну офіцию виконає у козаківъ *cicisbeo galante* молодои гетьмановои.

Лентовскій (тихо Позовскому).

Добра пара: апостата зъ чужоложницею. Немиричу *fas est* Хмельницького *gloriosissima facta cornibus coronare*.

Хмельницькій.

Здається мени, що жінци моїй горе объ отцю добавила при-томность єго милости пана Лентовського, ксєндзя римської виры; бо того не можна забути, якъ мою жону, мою душу,—мою Ганну, заручену зо мною, гвалтовне хвачено за шию въ ко-стєль и примушено до слюбу зъ тымъ бенкартомъ литовськимъ,

пьяницею польскимъ, розбишакою украинськимъ. Того и я не забуду, бо того не забудешъ, хочабы и хотивъ, що дуже вгрызлось у серце. Ха, ха, ха! Чи можно, панове ляхи, забути України всі рани й боли, що одъ васъ терпила вона, — бідна, обшарпана сирота? Чи можно навить дальнйшымъ потомкамъ забути повошенне имъяни нашого, наругу надъ вирую нашою, окропни муки и тортуры наши, — священниковъ божихъ посаженихъ на палъ, дитей въ казанахъ сваренихъ... Ни! ни! (*ударяетъ въ столъ рукою*) швидче огонь зъ водою поєднаютьця, ніжъ Русь наша зъ Польщою вашою!

Кисель.

Ежели въ Речи Посполитой есть люди, котори чинили вашей милости кривды и теперъ не зычливы, то найбільше такихъ, котори щире жадають здоровья и сполного мира и згоды вашй милости и всему Війську Запорозьскому. Цила отчизна неповинна за одного, або за килька зухвальцовъ. Полецаймося на Бога и на Пречистую Матерь Его, жебы намъ зъ неба одибрати такую мысль и скруху, щобъ могло все то ся въ лѣпше обернути. Я не апробую поступковъ тыхъ, котори до вашей милости негрешни. *Lavo manus meas* и прошу найнизше умироти справедливыи аффекты, позираючи на насъ комисаровъ, якъ на щирыхъ пріятелей, вашей милости приносячихъ згodu отчизны, которой вирнымъ сыномъ ваша милость бути маешъ.

Хмельницкій.

Шкода говорити! Все, що вы говорите — то все на витьеръ иде. Ваши трактаты и комисіи пальцями на води пишутьця. Знаю я васъ ляхивъ добре; колы васъ лиха година пристигне, то вы тоди до насъ „*радам до нѳг, саѳujemy ҃гасзки*“; а якъ скоро беда минула, то мы у васъ „*psia krew*“, найпоследни зъ твари, хужче собаки. Просто реку, пане воеводу, — вы пріихали не для того, щобъ щире миръ и згodu постановити, а на те, щобъ насъ одурити. Иде объ здоровьи нашемъ и цилости всей Руськои нашої отчизны на дальніи потомки и годы: того легко важити не можно. Ваша милость ладно мовишъ о пробаченьи королевськомъ, та споминаешъ про наши преступства, — а объ тимъ ани слова, щобъ насъ удоволнити. Бо Речь Посполитая повинна оказати намъ справедливость на всіхъ нашихъ ворогахъ и злочинцахъ. Не скажу про Чаплиньского: то мій власный

ворогъ; але наприкладъ панъ Вишневецькій: винъ-то найбільша причина розлитія крови, бо скоро мы розгромили кварцяне військо и стали у Билої Церкві шукати примирья и заспокоєня одъ короля, князь, ёго милость, почавъ тревожити козаківъ, священниківъ лупивъ, мучивъ, на пали вбивавъ, свидрами очи выкручувавъ и инші муки задававъ. Треба конешне, щобъ ёго скарали за те, и не буде ничего доброго, колы ёго не скарають. Виненъ и панъ Краковскій, що на мене наступавъ, колы я in angustiis Borysthenis свою душу уносивъ, але той одибравъ свое: виненъ и панъ хорунжій и вси, що козаківъ, молодцівъ заслуженыхъ Речи Посполитої у хлопивъ оберталы, лупыли, волосья таргалы, у плуги запрягалы. Треба, щобъ надъ всима ими судъ нарядыли и всіхъ винныхъ скарали. Отъ и теперъ: вы приїхалы зъ комісією, а въ Литви Радзивиллъ кровъ лье; зъ одного боку насъ лагодными лыстами та комплиментами обсыпають, а зъ другого на насъ наступаютъ. Нещиростью, панове ляхи, ничого не зробіте. Коли хочете мира, такъ мириться такъ, щобъ уже николи не було повадки насъ запрягаты, а коли вы то сее, то онее, то будемо лучше воювати: або мени зо всимъ Військомъ Запорожськимъ пропасти, або всій Польщі и всимъ дукамъ, королькамъ и шляхти згинуты.

Кисель.

Вздыхнувши de profundis cordis meae, мушу я слухати тїи орації, такъ незгодни зъ тымъ, що передъ симъ за годину ваша милость мовивъ еси. За що ваша милость докоряешъ мене нещиростью? Чимъ dignus sum тей ганьбы? Тымъ, хиба, що терпивъ одъ своихъ и одъ чужихъ обелги и кривды! Боже милостивій! Чи мало ще мине хреста сёго поносити? Козаки спалены мои маетки, хлопы мои власни, приставши до ребелліи, шукалы життя мого, безъ притулу profugus et pulsus, не міючи де головы приклонты, прийшовъ я до своихъ бративъ—уроженного шляхетства: тамъ мене vocabunt зрадникомъ; докорялы мене за те, що я говоривъ имъ о згоди зъ козаками, а я все терпивъ, все переносивъ, все одно тилько verbum было на устахъ моихъ: миръ и згода! А чого не набралисьмы идучи до вашої милости по розруйнованой и спаленої краини—и холоду и голоду, и килька разивъ приходилось мени за душу свою tremolare,—я все запомнивъ, скоро приїхавши до тебе, почувъ одъ тебе ласкове verbum pacis et fidelitatis! Ахъ! Ненадовго! Ты докоряешъ нещиростью нашу комісією; чому жъ передъ симъ не спытавъ еси: въ чимъ буде

та комісія? Чи можна осужоваты те *quid fierit*. Приступи до трактативъ, тоди й говоры, чи щиро, чи не щиро мы прибулы до тебе!

Хмельницькій.

Шкода говориты, пане Киселю! Знаемо мы ваши комісії! Не Павлюкъ я вамъ и не Острянинъ! Я напередъ знаю, що зъ сєи комісії ничего не буде. Война! война у тыхъ трехъ або чотырѣхъ недѣляхъ! Выверну я васъ всихъ-ляхивъ до горы ногами и потопчу такъ, що будете пидъ моими ногами, а на остатокъ васъ цареви турецькому у неволю оддамъ. Король королемъ буде, щобъ вильный бувъ соби, та стынавъ шляхту, дукивъ, князивъ... Согришыть князь—урижъ ёму шію; согришыть козаць—и ёму тежъ зроби! Я соби лыхій, малый чоловікъ, але мени такъ Богъ давъ, що я теперъ единовладный самодержецъ руській. Не схоче король королемъ вильнымъ бути—якъ ся ёму видѣть. Скажить се королеви и всимъ станамъ вашои Речи Посполитої. Що? Чи не шведами мене застрахаєте? И ти мои будуть; а хочъ бы й не були, хочъ бы ихъ було пѣятьсотъ тысячъ—не переможуть вони Руської Запорожської и татарської мочи. Богъ покарає, окропно покарає вашу Польщу! Згине Польща, згине Польща—и Русь буде панувати на цѣлый свѣтъ!

Кисель.

Пане Богдане, урожоний, почтивый гетьмане Війська Запорожського! Хоча я и чую одъ вашои милости такую мову, еднакъ приписую їй аффекту, власливому найбарзій великимъ душамъ, которіи скоро обачуться, латво приходють *ad meliorem mentem*. Будучи здавна щиримъ твоимъ пріятелемъ и найнижшимъ слугою, не смію помыслити, щобысь ваша милость отдавъ въ руки поганихъ безъ причины не тильки ляцьку и литовську земли, але и виру руськую, всходнюю, и церкви святыи, тымъ найбарзій, що король ёго милость и Речь Посполитая поляцають намъ докинчаты зъ вами *mitiores conditiae*. Ежели вашой милости кривда сталася одъ Чаплинського, уже одибралесь того зъ лихою, ставши головою и гетьманомъ Війська Запорожського; ежели військо запорожське жалуеться на личбу albo на грунты, то король его милость обыцуетъ удоволнити васъ у тимъ: нехай козацького війська буде не тильки десять але и дванадцать тысячъ, навить и пѣятнадцать; одъ вашои милости то едине потребується, жебы ваша милость розервавъ звязокъ зъ татарами, прироженными

ворогами народа руського, вернувъ бранцівъ польскихъ, узятыхъ козаками въ часъ замишання, одступивъ одъ черни, щобъ хлопцы орали, папамъ своимъ слуговали; коли хочете, — лучше йдѣть на туркивъ, або на татаръ: Речъ Посполитая въ тымъ вамъ не запынае: липше поганыхъ бити, нижъ християне. На таки кондыціи панъ гетьманъ запевне позволить?

Хмельницкій.

Шкода говорити! Ще разъ скажу: шкода говорити! Булобъ у той часъ трахтовати зо мною, якъ мене Потоцьки ганялы за Днипромъ и на Днипри, и пійсля Жовтоводської й Корсунської играшки, — теперъ уже часу не маешъ; теперъ я уже зробивъ те, обь чимъ и не мисливъ, — зроблю теперъ те, що замисливъ: выбью изъ ляцької неволи народъ руській — весь! Перше я воювавъ за шкоду и кривду свою, теперъ воюватиму за виру православному нашу; допоможе мени вся чернь по Люблинъ, по Краковъ; я одъ неи не одступлю, бо то права рука наша, щобъ вы хлопства не знесли у козакивъ не вдарили. Двисти, триста тысячъ своихъ митиму; вся орда прійде на помочъ; ногайци стоять на Саврани; мій Тугай-Бей, братъ мій, душа моя, едѣнный собилъ на свити, готовъ все учинити, що я схочу: вична наша козацька пріязнь; свить їи не розирве. За гряницю войною не пійду; шабли на Турки и Татары не пидниму, — буде зъ мене мисця на Украини, на Подоли, на Волини, досить мени часу й достатку въ земли и княжестви своимъ — по Львовъ, по Хелмъ, по Галичъ. А ставши надъ Вислою, повидаю дальнимъ ляхамъ: сидите, ляхи, мовчите ляхи! Дукивъ, князивъ вашихъ туды зажену; а будуть за Вислою крычаты — я ихъ и тамъ знайду; не зостанеться мени жодного князя ни шляхтюка на Украини, а который зхоче зъ нами хлиба исты — нехайже Війську Запорозьскому послушный буде, а на кормъ не брыкае.

Джеджала.

Уже минулы ты часы, коли насъ сидлали ляхи нашими людьми християнами; булы намъ силни драгунами, теперъ мы ихъ не боимось; дизналы мы пидъ Пилявцами, що то за ляхи: не ти вже се Ляхи, що передъ тымъ бувалы, та били Турка, Москву, Татары, Нѣмци, — не Жолкевськи, не Ходкевичи, не Конецьпольски, не Хмилецьки, але Тхоржовськи та Заенковськи, — диты въ зализо поубираны, померлы одъ страху, скоро

насъ узрили; не було насъ въ середу тильки три тисячи, а колы бѣ до пятницы почекалы, — ни одинъ бы ляхъ живцемъ до Львова не утикъ!

Хмельницкій.

Мене патріарха въ Кієви на сю войну благословить и зъ жинкою моею давъ мени слюбъ и грихи мои розришывъ и кончать ляхивъ розказавъ. Якъ же мени ёго не слухати, велького, старшого головы нашого, гостя любого? Уже я й полки обиславъ щобъ кони кормилы, та у дорогу булы готови, безъ возивъ, безъ гармать,—знайду я то у ляхивъ! А хтобъ зъ козакивъ взявъ одну колясу на войну—кажу ёму голову стяти. Не возьму и самъ зъ собою жадной, хибя юкы та саквы.

Позовскій (*тихо къ Лентовскому*).

Ото зажарта бестыя!

Лентовскій (*къ молодому Киселю*).

Що то за патріарха такій? Чи то ёго милость метрополита кієвскій?

Молодой Кисель.

Ни; то *proscriptus* якійсь, *excommunicatus ob gravia sceclera*; мотавсь по свиту, ниде ёго не прыняли, а въ Украини найшовъ соби овечокъ.

Хмельницкій.

А що вы говорите, щобъ я видпустивъ бранцивъ вашихъ, — того не буде. Нехай того и самъ король не думае. Бо то речъ завоёвана.

Мястковскій.

И погани, пане гетьмане, звыклы бранцивъ одпускаты на знакъ пріязни доброи. Черезъ мене самого, литъ тому зъ девять, Ибрагимъ Султанъ Оттоманскій цезарь дароваль королеви ёго милости килька сетъ вязнивъ зъ галеръ и Сараю свого. А ваша милость, пане гетьмане, будучи подданный короля ёго милости и слуга, взявши булаву и хоруговъ одъ пана, не хочешъ слугъ панськихъ и дворанъ рукодойныхъ панови своему оддати, — не шаблею, не на плацу битвы, але кондыціями, трактатами забра-

тыхъ,—не хочешъ черезъ насъ пословъ и комисаровъ одислати, але ихъ въ тяжкимъ голоди и неволи тримаешъ: щожъ мы объ твоей зычливости и послушенствѣ розумити маемо?

Хмельницкій.

Я ихъ пушу тоди, коли мени жадной заципки не буде одъ ляхивъ, и теперъ бы навить пустывъ бы ихъ, бо я чоловікъ милосерднѣй: але панове ляхи хочуть выманити у мене своихъ бративъ на те единое, щобъ безпечнѣйше наступати на насъ. Отъ панъ Потоцкій молодой захавъ мисто мое Баръ на По долю; отъ я пославъ ёму сказати, коли не послухається, то пошлю вѣйска и кажу ёго живцемъ до себе привести. Тоди одного брата поставлю на пали на едномъ концѣ города, а другого на другимъ: нехай дружка на дружку дивлютьця!

Мястковскій.

А хѣба козаки того не роблять. Въ Кієви мало що за часъ замишання скільки побыто шляхетського стану, и теперъ Нечай полковникъ брацлавскій якъ звиръ лютуе; ляхивъ останки шукають навить пидъ землею и неповинна кровь струменами тече у Днипръ, взываючи до Бога, якъ кровь Авеля.

Хмельницкій.

Не казавъ я неповинныхъ забивати, але тыхъ, которы надъ вирую православною згнущалыся; мій Кієвъ,—я князь и воевода кієвскій, бо мени ёго Богъ давъ навить и безъ шабли.

Кисель.

Пане гетьмане запорожскій! Non videas приплыхъ речей соесус фортуною настоящою, спущаемыя на patronatum, которая скоро кому почне надъ миру ludere, того скоро и видступить: ad vitrum подобне, которое скоро упадне, то и розибьетьця. Рачъ дати fidem зычливости мой, коли Вѣйську Запорожському хочешъ добра. Уже досыть маешъ фортуны; не спущайся на

децызью войны, покинь *contra polonos* розгнѣваемыхъ *consiliares: iram et speram victoriae*; не усилюй Польшу згубити, Русь хочяти *tollere*. Одступи татаривъ. Чи ты думаешъ, що ради пиднесення виры руської и народа руського вони вамъ помогаютъ? Вони на розлученье наше сами сподивають. То для нихъ *bonum*, коли Ляхи, Литва, Русь, козаки будуть *inter se* битися и единъ другого губити, а вони всіхъ *sparsim* заберуть. Розважъ, пане гетьмане, и те: теперъ король ёго милость зъ тобою *cum gratia* цертуе, а коли те его ласку поспонуешъ, то рушити на тебе вѣйсько всею сылою. Повѣрь, пане Хмельницькій, коли погордуешъ моею радою, ничого не знайдешъ, тильки одну згубу виры и народу руського, и неповинне кровъ пролита упаде на твою душу.

Хмельницькій (*тронутый*).

Пане воеводо! На оборону отчизны коханої взявъ я въ руки оружїе и поти его держатиму, поки життя мого стане, и поки вольности не дибюся. Лише голову положити, нижъ у першу неволю повернутися. Знаю, що фортуна слизька, але надїю певну полагаю на справедливость своєї справы, и вѣрую, що Богъ потягае за правду. Короля якъ пана шануемо; панивъ и шляхту ненавидимо, и николи одни другимъ не будемо прїятелями. Еднакъ, завтра я подаю вашимъ милостямъ пункта до трактативъ; коли щиро схочете на те шлюбования позволить, то и замиритись намъ не трудно буде, а коли—ни, то я не устану одъ упартої войны, а зрадливого покою—не хочемо!

СТИХОТВОРЕНІЕ

(написанное въ Крыму въ 1852 году).

Юпитеръ свѣтлый плыветъ по зеленымъ водамъ киммерійскимъ,
Сонъ туманный покрылъ и городъ, и портъ. Но въ селеньяхъ
Сильныхъ Пантикапеи бродитъ странникъ унылый,
Смыслъ могильныхъ вершинъ уловляя при тускломъ мерцаньи.
Скорбь посѣтила обитель отжившихъ. Врагъ неизбежный
Непроницаемыхъ сѣней коснулся. Смѣлѣе онъ полчищъ
Готоувъ, нанесшихъ послѣдній ударъ стародавней Тавридѣ,
Неукротимѣ моря и древней судьбы непреступнѣй.
Зорче всезрящаго солнца—онъ изъ пучинъ океана
Тайны износить на свѣтъ и въ отъ вѣка замкнутые входить
Горнихъ сокровищъ пріюты; онъ съ равной отвагой вступаетъ
Въ неизмѣримую звѣзднаго Понта пучину и въ сѣти
Неуловимой очами цвѣтка плодотворной пылинки,
Онъ разрушаетъ и свѣтлый надзвѣздный Олимпъ и Плутона
Мрачное царство. Врагъ тотъ наука. Граду, который
Огненный духъ посѣтилъ, подобна долина покоя,
Суетнымъ взорамъ открыты могиль уютныя нѣдра:
Царственнымъ ликомъ всѣхъ выше есть межъ холмами печальный
Холмъ безъ жильца, ограбленный брошенный нищій калѣка,
Гордо глядитъ на увядшее поле, на моря сонныя волны.
Ночи росой какъ слезою стѣны сѣдя покрыты
Блещутъ. Таковъ несчастливецъ, если безжалостно люди
Сердце его раскопаютъ, извѣдаютъ суетно тайны,
Вѣру въ счастье похитятъ и храмину сердца пустую

На поруганіе кинуть улыбкамъ зѣвающей черни:
Нѣмъ, бездвиженъ, безчувственъ, безсиленъ для міра страдалецъ,
Дневной свѣтъ опаляетъ разверзтыя раны; отъ боли
Къ небу онъ не подниметъ очей—не опуститъ и въ землю.
Гордъ какъ богачъ, какъ счастливецъ спокоенъ съ печатію явной
Гибели—онъ и открытый невѣдомъ, когда, наглядѣвшись,
Чернь покинетъ его въ одиночествѣ—сумракъ тихомъ—
Выронитъ тайно слезу: то признакъ мерцающей жизни...
Странникъ садится у входа могильнаго склепа, вперивши
Очи въ пустынное море, сребримое звѣзднымъ мерцаньемъ.
Вдругъ предъ нимъ появилась воздушная тѣнь, челоуѣка
Обликъ безплотный, легкій, но темный, струйка подобный
Дыма, случайно принявшей несвойственный образъ. Свѣтила
Ночи сіяли сквозь тонкое тѣни строеніе, ногами
Призракъ земли не касаясь, плыва приближался къ могилѣ.
Грустно прерывистымъ голосомъ дивная тѣнь провѣщала:
„Иль недовольно еще поруганія мы претерпѣли?
Хищно нахлынули вы въ безмятежное наше жилище,
Наши дома разорили, сокровища наши исторгли,
Насъ самихъ извлекли изъ обители вѣчной прохлады
Золота-ль мало въ горахъ? Зачѣмъ святотатственно ищешь
Въ темныхъ гробахъ ты его, ненасытное племя? Иль тѣсно
Вамъ на землѣ и разграбивъ наши жилища, хотите
Въ нихъ поселиться?“

—Тѣнь благородная—вымолвилъ странникъ:—
Руки мои не касались вашихъ сокровищъ; прости мнѣ,
Если, усталый отъ жизни, въ вашемъ уютномъ селеніи
Ночью ищу я покоя!—

Тѣнь отвѣчаетъ: „покоя!

Ищешь напрасно покоя: нѣтъ больше покоя въ могилахъ;
Тысячи лѣтъ мы лежали спокойно, не зная о свѣтѣ,
Не ощущая себя, въ ничтожества сладости сонной.
Даръ драгоценный ничтожество! Смертный тебя не постигнетъ,
Въ вихрь обманчивыхъ благъ и существенныхъ бѣдствій за
счастьемъ
Вѣчно гоняясь и горя всегда избѣгая, и счастьемъ

Овъ недоволенъ и самъ себѣ горе творить непрестанно:
 Неопѣнимъ ты и тѣмъ, которые полнымъ фіаломъ
 Въ нѣдрахъ земли испиваютъ твой усладительный нектаръ.
 Намъ лишь ты вѣдомъ, намъ, потерявшимъ тебя безвозвратно,
 Намъ, осужденнымъ на страшную муку сознанья безъ жизни.
 Тысячи лѣтъ проходили: мы спали спокойно, недвижно,
 Волны народовъ по нашимъ могиламъ катились, а въ сѣни
 Нашихъ могилъ не входили ихъ буйные крики. Явился
 Вы ненасытные—горе намъ, горе! вѣчное горе!
 Былъ я царемъ и приморья, и моря, и всей Меотиды,
 Гордыхъ жестокой каратель, смиренныхъ благой утѣшитель:
 Часть мой насталь—и съ достойною почестью дѣти и внуки
 Съ сонмомъ поборныхъ рабовъ погребли меня въ этой могилѣ;
 Слезы долга, рыданья любви оросили мой пепель.
 Странникъ! зриай! И если способенъ ты чувствовать горе,
 Горе царей оскорбленныхъ... пусть разорвется отъ скорби
 Сердце твое, пусть брызнуть потокомъ достойныя слезы!
 Царственный склепъ мой разрушенъ: послѣдній мой домъ не-
 приступный,

Рабъ ничтожной ногой попираетъ ложницу владыки...
 Мраморный гробъ мой похищенъ... увы! изъ амфоръ, куда слезы
 Чадъ и родныхъ нистекали, вытерты пятна драгія.
 Горе мнѣ, горе, вѣчное горе!“

И странникъ унылый,
 Весь потрясенный, проникся участіемъ къ царственной тѣни.
 Тѣнь продолжаетъ: „но мало безчестія, мало безсилья!
 Страшная мука мнѣ суждена, несказанная мука!
 Видишь ли дикій утесъ, нависшій печально надъ моремъ:
 Тамъ, какъ Эола унылая дочь, бездвижно день цѣлый
 Я осужденъ изнывать подъ пылающимъ, мнѣ ненавистнымъ
 Солнцемъ, незримый очамъ ни людей, ни животныхъ, лишенный
 Дара смотрѣть, затопленный въ какой-то бессмысленный ужасъ.
 Ночью жъ, безлунное ль небо заблещетъ звѣздами, Селена ль
 Выйдетъ изъ топи туманной—невѣдомой силой влекомый,
 Я поднимаюсь, иду по селеньямъ отжившихъ, скатаюсь
 Между разрытыхъ могилъ, иногда повстрѣчаю

Гѣнь, подобную мнѣ, осужденную также скитаться,
Тѣнь родного иль друга: привѣтствіе скажемъ, бывшее
Вспомнимъ, повѣдаемъ муку свою, разойдемся.
Ахъ, ни обнять, ни лобзанія дать дорогому! И горе
Сильно свое и не слушаемъ горя чужого! Нерѣдко
Тѣнь незнакомую встрѣчу, жилища временъ наступившихъ
Послѣ меня: напрасно для смертныхъ заманчивымъ знаньемъ
Лѣтъ неизвѣстныхъ себя улаждалъ я: призракъ безплотный,
Отжилъ равно я для лѣтъ настоящихъ, грядущихъ, протекшихъ;
Если же встрѣчу врага—отъ безсилія врага уничтожить
Вдвое скорбь удручаетъ меня, и скорбь безъ предѣла
Давить меня, когда вижу, что врагъ мой не терпитъ; угасли
Всѣ ощущенья во мнѣ любопытства, пріязни: не гаснетъ
Ненависть къ царскимъ врагамъ и величія царскаго гордость.
Въ часъ же, когда озлатить Фанагоріи взморье денница,
Снова, невѣдомой силой влекомый, иду я на берегъ,
Снова терплю несказанную муку и нѣтъ мнѣ отрады!“
Воплемъ прерывистымъ кончилъ рассказъ властелинъ Меотиды
И состраданіемъ глубже проникнулось странника сердце.
—Царь злополучный! властитель изгнанникъ!—сказалъ онъ:—ужели
Былъ ты могучъ для того, чтобы въ горькомъ сознаньи безсилія
Нынѣ на муку итти, по велѣнью таинственной воли?
Ахъ! на то ль обладалъ киммерійскимъ туманнымъ приморьемъ,
Чтобъ сиротой безнадежнымъ бродить по знакомому полю,
Полю, нынѣ чужому? Послѣдній изъ многихъ, ничтожныхъ,
Власти твоей трепетавшихъ, счастливѣй тебя: любопытный
Гроба его не найдетъ и не выбросить бѣднаго праха!
Былъ бы сто разъ ты счастливѣй, еслибъ, какъ сына рабыни,
Въ полѣ пустынномъ тебя погребли и могилу сравнили
Плугомъ. Ты бъ не скитался, страдалецъ, въ томительной мукѣ.
Ахъ! Если можетъ быть связь и общеніе мертвыхъ съ живыми!
Ахъ! Еслибъ могъ уладить я твой жребій печальный!—И гласомъ,
Гласомъ, подобнымъ тому, какой бы арфа издала,
Еслибъ внезапно всѣ струны порвались, отвѣтствовалъ призракъ:
„Еслибъ ты могъ возвратить мнѣ снятый вѣнецъ и богатства,
Еслибы могъ ты собрать мой развѣянный по міру пепелъ,

Еслибы могъ, какъ родной, какъ подвластный, достойно опла-
кать

Вновь кончину мою—и тогда погрузиться бъ не могъ я
Въ сонъ ничтожества сладкій, въ спокойствіе вѣчнаго мира.
Роемъ грѣхи мои вышли изъ бездны забвенья и грозно
Встали противу меня съ приговоромъ гибели вѣчной!
Если погаснетъ солнце, луна и свѣтила ночныя,
Если сгорить вся земля и звонкія воды умолкнуть,—
Мнѣ и тогда не узнать, не узнать благодатнаго мира:
Буду скитаться на черныхъ обломкахъ угаснувшей массы,
Въ однообразной тоскѣ, безъ конца, отъ вѣка до вѣка!“
Медленно призракъ началъ отходить, и въ ночномъ полумракѣ
Скоро изъ вида исчезъ. Удивленный задумался странникъ.
Вдругъ къ нему началъ звукъ долетать, подобный журчанью
Кроткой струи, когда каплями льется она изъ фонтана,
Слезоподобнымъ дождемъ поражая свѣтящійся мраморъ.
Снова предъ нимъ человѣческій ликъ, но съ облакомъ сходящій,
Если оно набѣжитъ на серебрянный обликъ Феbei.
Нѣжно-льющимъ голосомъ свѣтлая тѣнь провѣщала:
„Смертному въ жизни даны два несравненныя блага,
Первое благо—поэзія, благо другое—любовь.
Счастье тому, кто умѣетъ любить и исполненъ восторговъ,
Горе тому, кто лишаетъ поэта и музъ, и любви!“
—Еслибы,—странникъ сказалъ:—я могъ отъ себя отдѣлиться
И созерцать свою душу—таинственной рѣчью иною
Мнѣ бъ не сказала она погребенной на днѣ ея правды!—
Тѣнь приближается. „Странникъ,—она говоритъ,—кто бы ты ни
былъ,

Тайная связь между мной и тобою: доселѣ я слышалъ
Рѣчи чужія: не слышалъ меня никто изъ живущихъ,
Видѣлъ я всѣхъ и въ день и въ ночи, незримый доселѣ
Ни для кого, а тебѣ суждено меня видѣть и слышать!
Долей моей подѣлившись съ тобою, найду я отраду!
Вѣрно извѣстно тебѣ начало Пантикапен:
Гордый Милетъ Іонійскій, родившій триста колоній,
Былъ отцомъ и для насъ. Попрощавшись съ цвѣтущей отчизной,

Новую родину дѣды нашли въ ужасавшемъ ихъ краѣ.
Здѣсь, прорицанью внимая, на брегѣ пустынномъ пролива,
Градъ zaloжили элены и Пану его посвятили.
Свѣтлое было призваніе юной колоніи нашей:
Скиѣи хладной дары получая, дѣды мѣняли
Ихъ на дары просвѣщенья и солнца обильнаго юга.
Было еще и другое призванье свѣтлѣе и выше:
Синды, сарматы, меоты и варвары Скиѣи дальней
Съ племенемъ нашимъ знакомясь, отѣчный животный
Правъ свой бросали, вдыхая сокъ просвѣщенія сладкій.
Такъ когда наступаетъ весны благотворное время,
Солице ледъ растопить, откроетъ исходы земные,
Окоченѣвшія встанутъ летучія мелкія твари
Къ жизни, къ дыханью — и шумнымъ наполнится воздухъ
жужжаньемъ:

Такъ подъ убійственнымъ хладомъ невѣжества спавшіе роды
Отъ благотворныхъ лучей эленскаго солнца вставали.
Все здѣсь дышало Элладой: долго хранили пришельцы
Вѣру отцовъ, и языкъ, и нравы, и пѣсни Гомера,
И драгоценнѣйшій даръ эленскаго рода — свободу.
Часто насъ посѣщали желанные гости Эллады,
Часто наши суда отправлялись на родину предковъ
Съ грузомъ скиѣскихъ товаровъ. Поцтомъ Эвксинскимъ подаромъ
Понть Аксескій былъ прозванъ. Но язва насъ посѣтила,
Страшная язва: тиранство — недугъ неисцѣльный эленовъ!
Доблестью бранной сначала первенство въ сонмѣ согражданъ
Пріобрѣталъ полководецъ, готовилъ запасы сокровищъ,
Хитрою рѣчью волѣ своей пріучалъ подчинять
Непостоянную площади волю, потомъ заглушая
Звукомъ прельстительнымъ золота совѣсть убогихъ, почетной
Стражей себя окружалъ и захватывалъ дерзко правленье:
Такъ погибла свобода общинъ эленскихъ; погибла
Такъ она и у насъ, и корни пустило глубоко
Въ Пантикапее тиранство. Вѣнцомъ освящая хищенья,
Смѣло дѣтямъ и внукамъ отцы отдавали добычу.
Мнѣ судьба повелѣла родиться въ то время, какъ память

Прежнихъ лѣтъ освѣщала отчизну негрѣющимъ свѣтомъ.
Деспотъ властвовалъ нами, тотъ самый, котораго видишь
Ты предъ собою пустую гробницу: былъ деспотъ суровый
Съ мрачной, зловонной душою; какъ Эвмениды Оресту
Сна не давали ему опасенья—не заговорить

И не возстаній: слишкомъ съ неволей сжились іонійцы, —
Мучился деспотъ безумный, воображая, что тайно
Хульные рѣчи объ немъ произносятъ, и черною стаей
Рыскали, мнимыхъ ища преступленій, шпіоны, и горе
Бѣдному, кто попадалъ въ ихъ паутину: тѣлесныхъ
Мукъ недовольно казалось тиранну!

Видишь ли дикій утесъ, нависшій печально надъ моремъ:
Тамъ построилъ онъ башню, подъ видомъ, чтобъ въ темныя ночи
Къ порту указывалъ путь кораблямъ маякъ благосклонный.
Въ башнѣ было два яруса: верхній нижняго меньше,
Сверху на кровлѣ маякъ: безмѣрно толстыя стѣны.
Такъ казалось снаружи: не вѣдали тайны строенья,
Тайны ужасной, безчувственнымъ стражемъ заботливо скрытой.
Были устроены въ ярусѣ нижнемъ узкія ямы,
Съ тайнымъ отверстіемъ въ ярусѣ верхнемъ, покрытомъ
железнымъ.

Поломъ: доску приподнявши, туда опускали
Жертву тиранна, и трупомъ стоячимъ, недвижный, лишенный
Свѣта, не слыша ни рѣчи людской, ни дыханія вѣтра
Медленно тлѣлъ несчастливецъ: хлѣба кусокъ ежедневно
Сторожъ погибшимъ бросалъ, протягивать велѣно было
Ихъ бытіе: безконечною тѣшилъ варваръ кончиной.
Свѣтлую мысль, благородное чувство, божественный пѣсней
Даръ преслѣдовалъ деспотъ и, съ корнемъ исторгнуть желая
Жизни разумной порывы, въ школахъ незрѣлыхъ питомцевъ
Онъ повелѣлъ развращать, чтобъ личной выгодѣ каждый
Въ жертву охотно принесть и мысли и чувства святыню.
Если когда либо, странникъ, ты видѣлъ какъ гусеницъ рои
Вѣтви укроютъ дубовъ, — мотыльковъ легкокрылыхъ отродье—
Вдругъ налетаютъ неожиданно на бѣдную тварь золотыя
Осы, любимицы полныхъ цвѣтовъ и полуденной нѣги:

Юное тѣло червя разверзая, онѣ опускають
 Плодъ свой въ него, и кормилицу гложетъ растущій питомецъ.
 Медленной мукой томится бѣдняжка, то вправо, то влѣво
 Водить головкой, ложится на спину, вьется въ колечки
 И не вступая въ новую жизнь пропадаетъ: подобной
 Участь юношей нашихъ казалась тому, кто способенъ
 Чувствовать горе! Нося человѣческій образъ—не въ силахъ,
 Въ дѣтствѣ отравленный ядомъ тлетворной науки, достигнуть
 Цѣли указанной намъ отъ природы, совлеки начальныи
 Образъ животный, явиться въ образъ стройномъ согласья
 Животворящаго духа съ покорно-прекрасною плотью.
 Съ юныхъ лѣтъ, когда склонности наши заранѣй являютъ
 То, къ чему каждый судьбою призванъ на поприще жизни,
 Сердце мое воспыало любовью къ тому, что надъ плотскимъ
 Міромъ насъ возвышая, уноситъ въ эфирныя страны.
 Рано я сталъ разумѣть языкъ красоты благодатный,
 Звуки лиры мнѣ были отраднѣй богатства и чести,
 Смысла высокаго полны казались мнѣ скалы и гордыхъ
 Тополей тѣнь и чарующій голосъ пустыннаго моря.
 Басни поэтовъ и радужно-свѣтлыя старцевъ преданья
 Душу мнѣ улаждали: въ часы вдохновенья святого
 Передо мной воскресали Іоніи матерней игры,
 Танцы завѣтные дѣвъ и священныя Делоса рощи,
 Въ день покровителя-бога звеняція радостнымъ хоромъ.
 Сами невольно слова улегались въ звонкій гекзаметръ:
 Пѣлъ я дѣянія славныя предковъ, пѣлъ я начало
 Града родного; душой іоніецъ, пѣлъ я свободу.
 Скромная муза моя не гремѣла сатирой тираннамъ;
 Дѣлъ современныхъ я не касался, житейскихъ волненій
 Чуждъ Аполлона истинный сынъ, между тѣмъ наступила
 Страсти любовной пора, благовопнаго жизни расцвѣта!
 Въ юности, многимъ изъ нашихъ подобно, не пѣлъ я продажныхъ
 Женъ, сладострастныхъ ночей и шумныхъ вакхическихъ оргій.
 Не для короткихъ утѣхъ я былъ созданъ, для томной, глубокой
 Тихой любви, для святого союза по гробъ и за гробомъ,
 Той безконечной любви, какою пылалъ къ Эвридикѣ

Падшій за вѣрность и дѣвство еракійскій пѣвцовъ первообразъ.
И наградила богиня меня Эвфросиной достойной:

Дочь востока, девница, золотокудрая дѣва

Такъ не прекрасна. Но чистое сердце и дѣвственно свѣтлый

Разумъ и къ музамъ порывъ благородный меня привлекали

Больше волнистыхъ кудрей и гармоніи полнаго тѣла.

Я не испытывалъ долго любви безотвѣтной томленья:

Равной любовью мнѣ отвѣчала дѣвица и скоро

Мать и отецъ съединили насъ словомъ завѣтнымъ согласья.

Ранней весною, когда Афродитой начнутъ наполняться

Рощи, луга и матеръ земля и эфиръ плодотворный,

Былъ назначенъ тотъ день, когда къ алтарю Гименея

Долженъ былъ я повести подъ багрянымъ покровомъ невѣсту.

Но когда въ дѣвственно-страстныхъ объятыхъ невѣсты я таялъ,

Скрытно мнѣ гибель ковала во тьмѣ боязливая подлость;

Жаба, змѣя, крокодилъ и ящерицъ гнусныхъ породы,

Сколько ихъ есть на землѣ, подъ землею и въ пустыняхъ

подводныхъ,

Слишкомъ прекрасны въ сравненіи съ тьмѣ, кто тиранну

Ложно донесъ на меня, будто я, старину воспѣвая,

Ненависть къ власти его разношу, что я развратитель

Нравовъ, что я для спокойствія общаго вреденъ. Довольно

Было тиранну увидѣть поэта во мнѣ: приказалъ онъ

Тайно меня погубить, и узнавъ, что готовлюсь я къ браку,

Далъ повелѣнье, для большихъ мученій, предъ праздникомъ

самымъ

Жизни, забросить меня въ свое роковое строенье.

Ахъ, если знаменьямъ вѣрить, которыхъ боятся народы!

Трижды я слышалъ надъ кровлей зловѣщаго вѣрона крики,

Коиъ подо мной спотыкался; тайная скорбь безотчетно

Въ сердцѣ мнѣ заронила въ то время, когда въ упоеньи

Страсти считалъ я себя счастливѣйшимъ въ мірѣ, и мучась

Самъ себѣ я удивлялся! Такъ наканунѣ блаженства

Вечеромъ тихимъ, весеннимъ сидѣлъ я съ своей Эвфросиной,

Взоръ устремивши въ раздумѣ на синюю даль небосклона;

Тщетно старалась она поцѣлуемъ стыдливимъ разсѣять

Тяжесть души непонятную, тщетно восторженной рѣчью
Будущность мнѣ рисовала, напрасно родные смѣялись
Глядя на ликъ мой задумчивый, самъ надъ собой я смѣялся,
Съ ними и въ ту же минуту отъ грусти готовъ былъ заплакать.
Такъ въ тревожномъ предчувствіи я попрощался навѣки
Съ моремъ и съ золотомъ дневныхъ лучей и съ лазурью
воздушной,

И съ Эвфросиной! За полночь, когда заходящія звѣзды
Сномъ утоляютъ мучительный бредъ безпокойнаго сердца,
Былъ я схваченъ. Какъ филины тихо подкрались тиранна
Слуги, уста завязавъ повлекли, и безъ дальнихъ разспросовъ,
Безъ объясненій, забросили въ страшную стѣну навѣки!
Такъ погибъ я.

Однообразной волной понеслось невозвратное время,
Царства съ собой унося и грады, и рѣчи народовъ,
Вѣка смѣнялись! Не стало колоніи гордой Милета.
Вновь воскресла она. И случаемъ, вышнею ль силой,
Кто-то копаясь въ землѣ костей моихъ части сухія
Вмѣстѣ съ истлѣвшимъ желѣзомъ оковъ исторгнулъ изъ персти.
Силой таинственной я пробудился отъ сна безсознанья.
Это случилось въ тотъ годъ, когда воскресенія знамя
Дѣти эленовъ подняли, вспомя прадѣдную славу.
Мнѣ пробужденіе не въ тягость. Безплотный, свободный, быстрѣе
Свѣта парю надъ землей, постигая несвязанныя смысломъ
Силы природы, судьбы человѣка и міроправленья
Тайную связь, познаю справедливаго, вѣчнаго Бога,
Бога, котораго мы, недовольные древними свами,
Предошущали въ гаданья, котораго гимномъ согласья
Славилъ хоръ мудрецовъ, томившихся жаждою знанья, —
Бога, открытаго вамъ въ надеждѣ безсмертья и жизни.
Даръ мнѣ ниспосланъ отрадный: любовь и добра вдохновенье
Я поселяю, невидимый, въ души нерѣдко, влетаю
Въ домъ несогласной семьи; поселялъ я раскаянныя трепеть
Въ дѣтяхъ строптивыхъ и братній раздоръ погашалъ и въ гнѣвѣ
Мужъ оскорбившій жену со слезами искалъ примиренья.
Я навѣвалъ сновидѣнья поэтамъ и въ души страдальцевъ

Лилъ утѣшенія нектаръ и крѣпкую горечь терпѣнья.
Я предъ полками эленовъ носился духомъ надежды
Въ высяхъ незримый и дивною силой присутствія будто
Пѣснею славы имъ освѣжалъ благородныя души.
Даже природа за мной по слѣдамъ расцвѣтаетъ: обильнѣй
Желтая нива, дрожитъ виноградъ подъ тяжестью гроздовъ,
Бѣлая лилія дѣвственнѣй, томный цвѣтъ незабудки
Ярче яхонтомъ блещетъ и птичекъ весенніе хоры
Звонче привѣтствуютъ ясное утро. Но ахъ, и такое
Счастье не полно... Нѣтъ Эвфросины со мною! Въ далекихъ,
Въ близкихъ мѣстахъ я искалъ ее, много подобныхъ, воскресшихъ
Къ жизни летучей, тѣней вопрошалъ я, и нѣтъ мнѣ отвѣта!
Гдѣ она? Что съ нею случилось? Забыла ль поэта и съ новымъ
Другомъ вступила въ союзъ, иль, вѣрная памяти слезной,
Въ тихомъ угасла томлени, равно для меня неизмѣнна.
Вѣчно единая, милая, сладкая—съ ней бы я въ область
Свѣта вознесся... Гаснетъ по смерти лишь тлѣнная похоть;
Неугасима любовь, добра животворный источникъ!“
Кончилъ разсказъ іоніецъ, и странникъ въ восторгѣ воскликнулъ:
—О святыя души! дорогая свобода, ты лучшій
Даръ Божества, свѣтъ ума и сердца, огонь животворный!
Счастія нашего стражъ, наслажденій высокихъ хранитель!
О засіяй, лучезарная, о согрѣвай насъ, святая!
Долголь во мракѣ душномъ блуждая, мы будемъ напрасно
Ждать твоего восхожденія и дѣлаться пищей тираннамъ!
Скоро ли скоро? Приди жъ, дорогая свобода!—
Такъ восклицалъ онъ. Заря расцвѣчала восточное небо.
Утро являлось обычно, но ахъ, не свѣтила свобода!

О ВОСПОМИНАНІЯХЪ

БОРЬБЫ КОЗАКОВЪ СЪ МУСУЛЬМАНСТВОМЪ ВЪ
НАРОДНОЙ ЮЖНОРУССКОЙ ПОЭЗІИ.

О воспоминаніяхъ борьбы козаковъ съ мусульманствомъ въ народной южнорусской поэзіи *).

Наше словянское племя, въ ходѣ культурнаго развитія, представляется отставшимъ отъ другихъ племенъ Европы. Не очень еще давно одинъ изъ знаменитыхъ германскихъ мыслителей произнесъ надъ нимъ суровый приговоръ, осуждая его быть только тѣломъ для германскаго духа. Этотъ высокоумный приговоръ не только возмущаетъ въ насъ чувство сознанія національнаго и племеннаго достоинства, но вмѣстѣ и противорѣчитъ голосу исторической правды. Такое сужденіе умѣстно было бы только о племени, незаявившемъ въ себѣ никакого задатка самостоятельной духовной жизни, никакихъ признаковъ стремленія къ самобытному общественному и умственному прогрессу. Сказать это о славянахъ было бы крайнею несправедливостію. Можно укорять насъ, что, въ сравненіи съ другими, мы мало сдѣлали для культуры человѣчества, но было бы совершенною ложью утверждать, что у славянъ не было никакого стремленія къ выработкѣ духовной и общественной жизни. Географическое положеніе, которое занимали въ теченіе многихъ вѣковъ славянскіе народы, не позволяло имъ идти рука объ руку съ романскими и германскими племенами. Славянскіе народы, занимая восточные предѣлы образованнаго міра, должны были по-неволѣ бороться съ чуждыми, некультурными стихіями и защищать своею грудью безопасность и спокойное развитіе другихъ европейскихъ племенъ. Вотъ при-

*) Статья эта прочтена авторомъ публично 12 генв. 1876 г. въ С.-Петербургскомъ собраніи художниковъ, назначенномъ съ цѣлью помощи страждущимъ семьямъ сербовъ. (Примѣч. издат.).

чина, почему славянскіе народы не шли въ ряду другихъ народовъ, хотя и не позднѣе другихъ познакомились съ культурнымъ путемъ. Укажемъ, напримѣръ, на судьбу Моравскаго государства, которое, только что принявши христіанство, вступило на дорогу образованности, какъ вдругъ сломлено было нахлынувшими съ сѣверо-востока мадьярами, занявшими древнее отечество славянъ и стремившимися поработить ихъ. Укажемъ на нашу Россію, которая послѣ крещенія усвоивала изъ самой образованной въ тѣ времена страны задатки умственной жизни и общественной культуры, какъ вдругъ, черезъ 200 лѣтъ, нахлынули монголы — и русскому народу выпалъ страдальческій жребій отстаивать тяжелыми усиліями свое бытіе, а потомъ вѣкъ за вѣкомъ собирать свое растрепанное отечество. Укажемъ на Сербію, которой самостоятельность такъ блистательно сверкнула въ царствованіе Стефана Душана, а потомъ вдругъ сдѣлалась добычею хищныхъ османлисовъ. Припомнимъ, наконецъ, Чехію, которой въ XIV вѣкѣ выпала завидная доля быть двигательною свободѣ мысленія, но только для того, чтобы потомъ пасть подъ власть германцевъ и подъ гнетъ іезуитовъ.

Всѣ славянскіе народы оставили въ своемъ прошедшемъ тяжелыя воспоминанія несбывшихся надеждъ и горькихъ ударовъ судьбы. И вотъ, послѣ многихъ потрясеній, кровавыхъ и печальныхъ переворотовъ, исчезли одно за другимъ самостоятельныя славянскія политическія общества. Осталось только одно Русское государство; всѣ прочіе славянскіе народы лишены самостоятельности: немногихъ судьба связала съ Русскимъ государствомъ, другіе остаются въ духовномъ или матеріальномъ рабствѣ иноплемениковъ. Между тѣмъ стремленіе къ самобытной жизни и самобытному развитію ни у кого изъ нихъ не угасло. Въ славянскихъ сердцахъ остались: упованіе иной доли, стремленія къ достиженію иного политическаго строя, иныхъ явленій умственной и общественной жизни. Великая идея славянской взаимности была не чужда лучшимъ славянскимъ умамъ еще въ XVI и XVII столѣтіяхъ; ярко проявилась она въ близкія къ намъ времена. Мы ждемъ чего-то для своего племени, желаемъ и надѣемся какого-то обновленія, вѣруемъ, что нашему племени предстоитъ великая будущность; но въ какихъ формахъ возникнетъ это вождельное обновленіе — мы сами еще не знаемъ и не въ силахъ ясно сознать нашихъ идеаловъ. Мы ждемъ нашего племенного спасенія и не знаемъ откуда высматривать его; несомнѣнно только, что оно, какъ царствіе Божіе, носитъ свой зародышъ не внѣ насъ, а внутри насъ. Въ настоящее время насъ

разбудили событія Босніи и Герцеговины. Еслибы дѣло шло только о борьбѣ христіанскаго народа съ мугамеданствомъ въ небольшомъ уголку, сочувствіе къ христіанскому населенію было бы вполне естественно и законно во всякой свободной независимой христіанской землѣ, тѣмъ болѣе у насъ, связанныхъ съ борющимися сербами церковнымъ единствомъ и узами племенного родства. Но вопросъ дѣлается для насъ шире при тѣхъ надеждахъ, которыя мы уже привыкли носить въ груди: идетъ дѣло не объ улучшеніи участи христіанскихъ словянъ, осужденныхъ судьбою зависѣть отъ мусульманской державы; идетъ дѣло даже не о мѣстной независимости нашихъ соплеменниковъ. Есть точки соприкосновенія, гдѣ для насъ существуютъ не мѣстные этнографическіе и историческіе признаки, а судьба словянскихъ народовъ въ связи со всѣмъ словянствомъ. Есть положенія, въ которыхъ не существуетъ для насъ ни сербовъ, ни чеховъ, ни словинцевъ, а есть только словяне, и такое-то отношеніе составляетъ для насъ особенную важность въ настоящемъ вопросѣ. Словянство—это цѣпь, въ которой всѣ звенья связываются такъ, что касающееся одного звена трогаетъ всѣ прочія. Мы жаждемъ обновленія во всемъ племени нашемъ и всякое важное историческое событіе, являющееся въ одномъ какомъ-нибудь словянскомъ народѣ, возбуждаетъ въ насъ смутную надежду, что оно послужитъ если не рычагомъ желаемаго племенного обновленія, то по крайней мѣрѣ одною изъ ступеней на общемъ нашемъ пути къ достиженію нашихъ еще не уясненныхъ идеаловъ. Если настоящее движеніе сербовъ на Балканскомъ полуостровѣ не угаснетъ бесплодно, то невольно возникаетъ вопросъ: не повліяетъ ли оно спасительнымъ образомъ на будущую исторію всего нашего племени, не станетъ ли оно первымъ камнемъ для закладки зданія, въ которомъ заключатся наши политическіе и общественные идеалы. Какіе идеалы? спросятъ насъ. Мы еще не ясно видимъ ихъ и вмѣсто того, чтобы прибѣгать къ мечтаніямъ и утопіямъ, которыя могутъ быть несбыточны, будучи плодомъ желаній и взглядовъ людей извѣстнаго времени, воспитанія и понятій, лучше всего предоставить созданіе такихъ идеаловъ самой жизни, которая выразится въ будущей нашей исторіи. Въ настоящее время мы всего лучше будемъ служить для будущаго, которое предстоитъ нашему племени, изученіемъ и уразумѣніемъ нашей прошлой и текущей судьбы, нашего быта, нашей взаимной связи и нашихъ народныхъ особенностей. Въ этихъ видахъ предположено въ этомъ собраніи, которое назначено съ цѣлью помощи страждущимъ семьямъ борющихся сербовъ,